

И.Н.Антюфеева

**ЖИВЫЕ
ТРЕПЕТНЫЕ
НИТИ**

И.Н.Антюфеева

**ЖИВЫЕ
ТРЕПЕТНЫЕ
НИТИ**

*Л. Н. Толстой и его смоленские
корреспонденты и знакомые*

ОЧЕРКИ

СМОЛЕНСК

1991

ББК 83.3Р1
А72

Антюфеева И. Н.

А72 Живые трепетные нити.— Смоленское издательство «Смядынь». 1991.— ... с.

Очерки о встречах, дружбе и переписке Льва Толстого со смолянами — автором «Писем из деревни» А. Н. Энгельгардтом и его сыном народовольцем М. А. Энгельгардтом, отбывавшими ссылку на Смоленщине, народным учителем, автором сборника «Сельская школа» С. А. Рачинским, врачом Д. Н. Жбанковым — автором книги «Санитарное исследование фабрик и заводов Смоленской губернии» и другими интересными людьми.

Адресованы широкому кругу читателей.

А 1805080000—147

91

Без объявл.

ББК 83.3Р1

ISBN 5—239—01264—4

© И. Н. Антюфеева, 1991

ПРЕДИСЛОВИЕ

Смоленский край издавна славен своими культурными традициями и связями с историей русской науки, искусства, литературы. Предлагаемая читателю книга содержит очерки, в которых рассказывается о знакомстве и переписке смолян с великим писателем Львом Толстым.

«Весь мир, вся земля смотрит на него; ...отовсюду к нему протянуты живые трепетные нити, его душа — для всех и — навсегда!» В этих словах Горького сформулирована мысль об огромном духовном авторитете Толстого у своих современников. К нему тянулись самые разные люди всего мира. Личное общение с ними писатель называл одной из «главных упряжек жизни». Оно продолжалось в переписке. Сохранилось около десяти тысяч писем Толстого и более пятидесяти тысяч писем к Толстому от людей разных континентов, стран, рас, национальностей и общественного положения.

Среди корреспондентов писателя есть такие, о которых мы знаем очень мало, а иногда совсем ничего не знаем. Сведения об адресатах Толстого в Полном собрании его сочинений весьма кратки. А без знания подробностей о тех людях, которые писали ему и получали от него ответы, об истории их знакомства, общения и переписки с Толстым, письма самого Льва Николаевича воспринимаются обедненно. В результате утрачивается большой материал для характеристики жизни и деятельности писателя, его взглядов, роли в формировании самосознания русского общества, мирового значения. Поэтому нам дорог каждый новый документ о Толстом, будь то письмо его корреспондента или вновь найденные воспоминания знакомых ему людей. Нам интересно, кто писал Толстому, с какими вопроса-

Л. Н. Толстой. Фотография. 1907 г.

ми обращались к нему люди, что он отвечал своим корреспондентам, на чем основаны воспоминания о нем. Этот материал позволяет представить многие факты мировоззрения и биографии писателя, живого его общения с современниками.

В архиве писателя хранится около двухсот писем и телеграмм со Смоленщины. Разнообразна география смоленских корреспондентов Толстого. Он получал письма из Бельского, Вяземского, Гжатского, Духовщинского, Ельнинского, Краснинского, Поречского, Рославльского, Сычевского, Темкинского, Ярцевского и других уездов, а также из самого Смоленска. Писали крестьяне, солдаты, сельские учителя, студенты, гимназисты, ученые, общественные деятели. Большинство писем было прислано в 80-е, 90-е годы прошлого столетия и в первое десятилетие XX века. С некоторыми смолянами Толстой встречался лично и был дружен.

Среди смоленских корреспондентов и знакомых Толстого были люди своеобразной судьбы, которые и сами по себе, вне зависимости от причастности к жизни и деятельности великого писателя, заслуживают благодарной памяти потомков.

Но приведенный в книге материал имеет не только познавательно-краеведческое значение. В нем многое сопрягается, перекликается с духовными исканиями современного общества.

Одна из особенностей нашей сегодняшней духовной жизни состоит в том, что мы приближаемся к более полному знанию прошлого, учимся судить о нем не столь категорично и односторонне. Понимание соотношения классового и общечеловеческого начал — коренной вопрос нового мышления, ценнейшее приобретение теории и практики последних лет.

Несколько десятилетий в истории нашей культуры замалчивалось имя выдающегося педагога, профессора и сельского учителя Сергея Александровича Рачинского. Только потому, что он был человеком религиозным, участвовал в работе комиссии по составлению правил о церковноприходских школах, переписывался со своим сослуживцем по университету К. П. Победоносцевым, предавалась забвению его самоотверженная, бескорыстная, глубоко гуманная и демократическая деятельность как учителя крестьянских детей. Обсуждение педагогических проблем и стало предметом переписки

Рачинского с Толстым, о чем рассказано в первом очерке книги. Сейчас, когда школа ищет новые пути развития, для нас важно осмыслить все ценное, что есть в деятельности педагогов прошлого. Татевская школа, основанная Рачинским в Бельском уезде Смоленской губернии (ныне Оленинский район Тверской области), регулярно проводит педагогические чтения. У истоков их стоял большой энтузиаст директор школы И. В. Лебедев, безвременно ушедший из жизни.

В наши дни как весьма актуальные воспринимаются спор Рачинского и Толстого о роли религии в жизни народа и обмен опытом по организации обществ трезвости.

Литераторы найдут в их высказываниях интересный материал о «Войне и мире» и «Анне Карениной».

Размышления героя романа Толстого «Анна Каренина» Константина Левина и автора «Писем из деревни» А. Н. Энгельгардта о крестьянстве, любви к земледельческому труду, их стремление вести хозяйство на передовом, европейском уровне, проанализированные во втором очерке, созвучны нашим сегодняшним раздумьям о деревне, о причинах отчуждения человека от земли.

Переписка с сыном А. Н. Энгельгардта — народовольцем Михаилом побудила Толстого выразить свое отношение к насилию (третий очерк). В свете того, что пережило наше общество, когда насилие было возведено в основной принцип политики, заветы писателя-гуманиста, понимавшего, что из злых дел доброе не рождается, воспринимаются особенно современно.

В 1892—1904 годах в Смоленске жил видный деятель общественной медицины, один из активных участников Общества русских врачей в память Н. И. Пирогова, публицист и ученый Дмитрий Николаевич Жбанков. Его работы использовал в своих книгах В. И. Ленин. В именном указателе к третьему тому Полного собрания его сочинений (с. 739) деятельность Жбанкова после Октябрьской революции характеризуется как враждебная советской власти. Публикуемый в книге очерк о Д. Н. Жбанкове и его общении с Л. Н. Толстым помогает по-новому взглянуть на эту выдающуюся личность.

Думается, что читателям будет небезынтересно узнать о письмах Толстому писательницы Евгении Пав-

Л. Н. Толстой и А. М. Горький. Ясная Поляна. 1900 г.

ловны Туржанской, которая была заметной фигурой в культурной жизни Смоленска в начале нашего века.

Интересные воспоминания о Толстом оставила лично знавшая писателя Надежда Николаевна Фере, жена смоленского вице-губернатора. Высланная в Башкирию, она там и умерла. Но рукопись воспоминаний сохранилась. Ее как драгоценную реликвию сберегли дети Фере. В книге рассказана история ее знакомства с Толстым и приведены фрагменты воспоминаний.

Отдельный очерк посвящен письмам Толстому смоленских крестьян и рабочих, в частности, ярцевской фабрики Хлудова.

«Силач нравственный и умственный» — так охарактеризовал Толстой гжатского крестьянина Петра Алексеевича Булахова, с которым был дружен. Запись воспоминаний П. А. Булахова о писателе долгие годы была скрыта в подшивках старых газет. Какова история знакомства и дружбы Толстого со смоленским крестьянином? О чем его воспоминания? Ответы на эти вопросы читатель найдет в книге.

Слова, использованные как заголовки очерков, взяты из писем и воспоминаний корреспондентов и знакомых Толстого.

Книга, предлагаемая читателю, — плод многолетних поисков, кропотливой работы в архивах и библиотеках. Она основана на изучении творчества писателя, его дневников, записных книжек, писем, мемуаров о нем, а также архивных материалов, хранящихся в отделах рукописей Государственного музея Л. Н. Толстого и Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, в Центральном государственном архиве литературы и искусства, Государственном архиве Смоленской области и в частных собраниях. Иногда в очерках раскрывается сам процесс поисков и история находок.

Изучение переписки и личного общения Толстого со смолянами углубляет наши представления о жизни и творчестве писателя, его идейных, художественных взглядах и великом нравственном авторитете.

Работа должна представить интерес как для специалистов — историков литературы, толстоведов, учителей, студентов, так и для широкого круга любителей российской словесности и культуры.

«МНЕ РАДОСТНО ЧИТАТЬ ВАС И ИЗДАЛИ ЛЮБИТЬ...»

(Л. Н. Толстой и С. А. Рачинский)

1

30 сентября 1881 года Толстой посылает телеграмму на Смоленщину, в село Татево Бельского уезда, Сергею Александровичу Рачинскому: «Когда и как приехать к Вам. Отвечайте Торжок станцию»¹. Лев Николаевич давно собирался навестить своего старого знакомого С. А. Рачинского, жившего на Смоленщине. И вот теперь выпал удобный случай осуществить это намерение. Толстой едет из Тверской губернии от крестьянина Василия Сютаева и из Осташкова отправляет эту телеграмму в Татеево, прося ответить ему в Торжок.

...Познакомились Толстой и Рачинский давно, еще в молодые годы. Толстой тогда только что снял артиллерийский мундир и как писатель лишь набирал силы. Рачинский начинал профессорскую деятельность в Московском университете.

Сергей Александрович был на 4 года моложе Толстого. Он родился 2 мая 1833 года в родовом поместье Татево, расположенном в живописном уголке северо-восточной части Смоленской губернии. Там он и вырос. Родители его были людьми образованными, интересовались литературой, искусством. Татево славилось своей библиотекой и было центром культуры и просвещения в Бельском уезде. Мать Сергея Александровича, родная сестра известного русского поэта Евгения Абрамовича Баратынского, воспитывала в детях любовь к поэзии, музыке, природе.

С. А. Рачинский получил прекрасное образование. Он окончил естественный факультет Московского университета, слушал лекции по ботанике и биологии в Берлинском и Иенском университетах, прошел курс у философа Куно Фишера, овладел несколькими европейскими языками. Защитив диссертацию, он в двадцать

С. А. Рачинский. Портрет работы Н. П. Богданова-Бельского. 1900 г.

пять лет получил кафедру физиологии растений Московского университета. Не прошло и десяти лет, как С. А. Рачинский стал доктором наук. Молодой ученый увлекался эволюционным учением Ч. Дарвина, перевел его книгу «О происхождении видов».

Как профессор Рачинский пользовался в университете большим авторитетом. Современник вспоминает: «Он был еще молод, но уже знаменит, читал свой предмет — ботанику... так живо и увлекательно, что на его лекции сходились студенты со всех факультетов».

С. А. Рачинского отличала общественная активность. «Горячее участие в общих делах университета, постоянные заботы о благосостоянии как всего студенчества, так и отдельных студентов, о благосостоянии материальном и нравственном, — вот что делало Рачинского популярным профессором», — пишет его биограф².

Но не одни научные занятия и университетские дела поглощали интересы в время ученого. Он увлекался литературой, изобразительным искусством, музыкой, эстетикой, перевел на немецкий язык «Семейную

хронику» С. Т. Аксакова. Герцен оценил этот перевод «как вполне хороший». Сергей Александрович писал стихи, повести, оперные либретто, романсы, собирал пе-

сенный фольклор родного края. В 60-е годы у него завязалась дружба с П. И. Чайковским. Композитор посвятил ему первый струнный квартет, пользовался его рекомендациями и советами. Много лет спустя, в 1881 году, Чайковский с любовью писал Рачинскому: «Вы спрашиваете, поминаю ли я Вас? Не только поминую, но часто думаю о Вас, вспоминаю про различные выражения сочувствия Вашего к моим музыкальным трудам, ободрявшие и утешавшие меня еще в то время, когда это было для меня величайшей редкостью; люблю припоминать приятные вечера, которые проводил у Вас в Вашей уютной квартирке на Дмитровке... Ну, словом, Ваш милый, светлый образ жив в моей душе и никогда не изгладится из моей памяти».

В годы профессорской деятельности у Рачинского было немало знакомых не только среди ученых, но и среди писателей, журналистов. С Толстым он познакомился, вероятно, в доме Д. И. Сушковой, сестры Ф. И. Тютчева.

В то время у Рачинского, жившего в Москве, собирались молодые профессора университета, литераторы, музыканты. По словам биографа Сергея Александровича, здесь «частым и интимным посетителем» был Л. Н. Толстой.

Толстого и Рачинского сблизили, конечно, не одни общие знакомые, но и общие интересы.

Л. Н. Толстой. Фотопортрет, 1861 г.

Много лет спустя Л. Н. Толстой писал С. А. Рачинскому: «Все задушевные, самые задушевные интересы у нас с Вами общие...» Таким общим «задушевым» интересом писателя и ученого было педагогическое дело.

Толстой говорил, что в его жизни время с 1859 по 1862 год — это период «трехлетнего страстного увлечения этим делом».

У С. А. Рачинского интерес к педагогике проявился в ранней молодости. Еще в годы учебы за границей, в Германии, он познакомился с деятельностью профессора Иенского университета Карла Стоя, основателя нескольких учебных заведений, в частности народной школы и педагогической семинарии. Свои наблюдения он изложил в статье «Институт Стоя в Иене». Это была его первая статья на педагогическую тему. В ней высказана глубокая и справедливая мысль о том, что воспитание любого народа должно быть национальным и современным.

Преподавая в Московском университете, Рачинский и не предполагал, что главным делом его жизни станет народная школа, но общение с Толстым обостряло его внимание к ней. Лев Николаевич, приезжая в Москву и навещая Рачинского, часто рассказывал ему о своей Яснополянской школе и планах открытия новых учебных заведений для народа. Сергей Александрович проявлял большой интерес к этим делам писателя и даже взялся помочь ему найти учителей.

Педагогическая деятельность Толстого служила поучительным примером для многих дворянских интеллигентов, обеспокоенных судьбой народа. Осенью 1861 года сестра Рачинского, Варвара Александровна, открыла школу в Татеве. Сергей Александрович написал об этом Толстому. «Сестра завела прошлой осенью школу, и она идет отлично... Нынешним летом крестьяне вызвались выстроить школу. Необходимо придать делу больше прочности. Все те, которые в наших странах занимаются обучением детей, народ пьяный, колотящий ребят без пощады. Нам нужен хороший человек, человек попроще, который имел бы охоту к делу и здравый смысл. ...Возможно ли отыскать такого и где? Дайте добрый совет», — спрашивал он Льва Николаевича³.

Рачинский делился с Толстым своим мнением о журнале «Ясная Поляна», который издавал писатель, и сообщал о внимании к нему зарубежных педагогов, в частности профессора Карла Стоя: «Он слышал о Вашем журнале, чрезвычайно интересуется им и очень просит Вас при удобном случае прислать ему вышедшие номера... Я убежден, что Ваши наблюдения не пройдут даром и что в глубине души он согласится с Вами во многом...»

Толстому было приятно благожелательное отношение Рачинского к его педагогическим занятиям и журналу. «Письмо Ваше,— отвечал он Рачинскому,— одно из тех, которые я считаю наградой за свою неблагодарную (в смысле сочувствия публики) деятельность. Я и не рассчитываю на награды, но тем приятнее их получать. Вы прочли, поняли и кое с чем согласны; большинство же говорит: «Это какой Толстой? Не Алексей? Не обер-прокурор? Ах да, «Детство». Он мило пишет, и успокаиваются». И Лев Николаевич обещал послать книжки своего журнала в Германию профессору Стою.

В то время Толстой много писал о необходимости широкой организации в России народных школ. И естественно, что он не обошел вниманием школьные дела Варвары Александровны Рачинской. «Что бы Вы или Ваша сестра написали мне в «Ясную Поляну» о жизни и развитии Вашей школы. Оттенок школы под женской рукой очень интересен; особенно в Вашем семействе»,— писал он С. А. Рачинскому.

Большой интерес представляет та часть этого письма, где Лев Николаевич отвечал на вопрос о сельском учителе. Он, по мнению писателя, прежде всего должен обладать двумя качествами: относиться с уважением к той среде, из которой вышли его ученики, и сознавать важность и ответственность своего дела.

Родные Рачинского очень интересовались его знакомством со знаменитым писателем. Сергею Александровичу приходилось чуть ли не в каждом письме на родину, в Татеву, рассказывать о Толстом. «Лев Николаевич в Москве, и на днях женится на мадемуазель Берс, племяннице Иславиных, я его еще не видел...»,— писал он матери 22 сентября 1862 года. Вскоре он вновь сообщал домой: «Жену Толстого я не видел: она, говорят, очень милое дитя». Когда же, встретившись с Толстым в Москве, в опере, Рачинский побывал у него в

гостях, он так рассказал матери о Льве Николаевиче. «Он очень тих и авантюрен, его жена очень хорошенка. И он продолжает заниматься своей школой и даже готовит разные писания по ее поводу... Он предпринял также большой роман из начала нынешнего столетия и занимается им, как кажется, с большой любовью. Он на днях будет у меня вечером и тогда я напишу вам подробнее о нем...»⁴

3

Толстой не только посвятил Рачинского в замысел романа «Война и мир», но и в самый разгар работы над ним читал ему неопубликованные части своего произведения. В дневнике писателя в начале марта 1865 года говорится о напряженной работе над второй частью «1805 года» (так назывались первые части романа). Рачинский тогда же писал матери в Татеве: «Между прочим, я виделся несколько раз с Львом Толстым, который все милее. Он прочел мне II-ую часть 1805 года, которую вы прочтете в Русском Вестнике...»

Отношения Толстого и Рачинского были теплыми и дружескими. В письме к родным Сергей Александрович рассказывал, что он говорил со Львом Николаевичем «по душам» о будущей судьбе Наташи, Пьера, Элены и выражал надежду, что будет видеться с ним часто.

Архивные письма Рачинского еще раз свидетельствуют о кропотливой работе Толстого над романом во время подготовки его к отдельному изданию. «Приехал Лев толстой,— писал Рачинский матери 20 февраля 1868 года,— все такой же милый и чудной; четвертый том «Войны и мира» каждый день должен выйти и еще не вышел. Все подпиливается и подписывается Бородинское сражение». А в письме от 25 сентября 1868 года Сергей Александрович говорил, что Толстой напечатал шесть листов из своего пятого тома (первое издание «Войны и мира» выходило в шести томах), но теперь снова перепечатывает их, и когда будет этому конец — неизвестно. 18 марта 1869 года Рачинский снова сообщал матери о том, что шестой том романа Толстого уже написан и печатается, но это еще не значит, что он появится скоро: пойдут бесконечные переделки.

Когда роман «Война и мир» печатался отдельным изданием, газета «Новое время» писала, что этим произ-

ведением была «занята чуть не вся русская публика». С большим вниманием читали «Войну и мир» обитатели смоленской татевской усадьбы. Они с нетерпением ожидали от Рачинского посылок с книгами Толстого. Сергею Александровичу приходилось то и дело сообщать о выходе очередного тома эпопеи.

Прочитав роман, Рачинский высказал свое мнение о нем в письме к Толстому. С восторгом писал он, что «Война и мир» — «лучший роман, до сих пор написанный на русском языке». «Теперь я весь под первым цельным впечатлением... и не могу отдать себе отчет, так ли следовало говорить и действовать Пьеру и Наташе, князю Андрею и княжне Марье, все это я не читал, а видел своими глазами, и все это и радостно, и горестно, и тревожит ум и хватает за душу, как сама жизнь». По мнению Рачинского, в «Войне и мире» «особенно поражает» в сравнении с прежними произведениями Толстого «разнообразие и отчетливость лиц и настроений, это роскошное обилие типов и мотивов». «Наконец, роман Ваш радует меня за Вас, как за человека, — заключает письмо Рачинский. — Он такой здоровый и добрый и чистый. В нем чувствуется, что душа Ваша пришла в ясность, что она спелась со всеми гармониями жизни, что в ней разрешаются ее диссонансы. Дай бог Вам всего наилучшего. Мне радостно и читать Вас, и вспоминать о Вас, и издали Вас любить».

Толстой ответил Рачинскому на это письмо, вероятно, при личной встрече. Завершая издание «Войны и мира» и бывая по разным делам в Москве, он не раз навещал Сергея Александровича. В письме к матери из Москвы в Татеве от 9 декабря 1869 года Рачинский сообщал, что был обрадован приездом Льва Николаевича, который пробыл в Москве три дня, провел у него вечер, читал превосходные рассказы для детей младшего возраста, советовал, чтобы и он писал такие, приглашал к себе в Ясную Поляну.

4

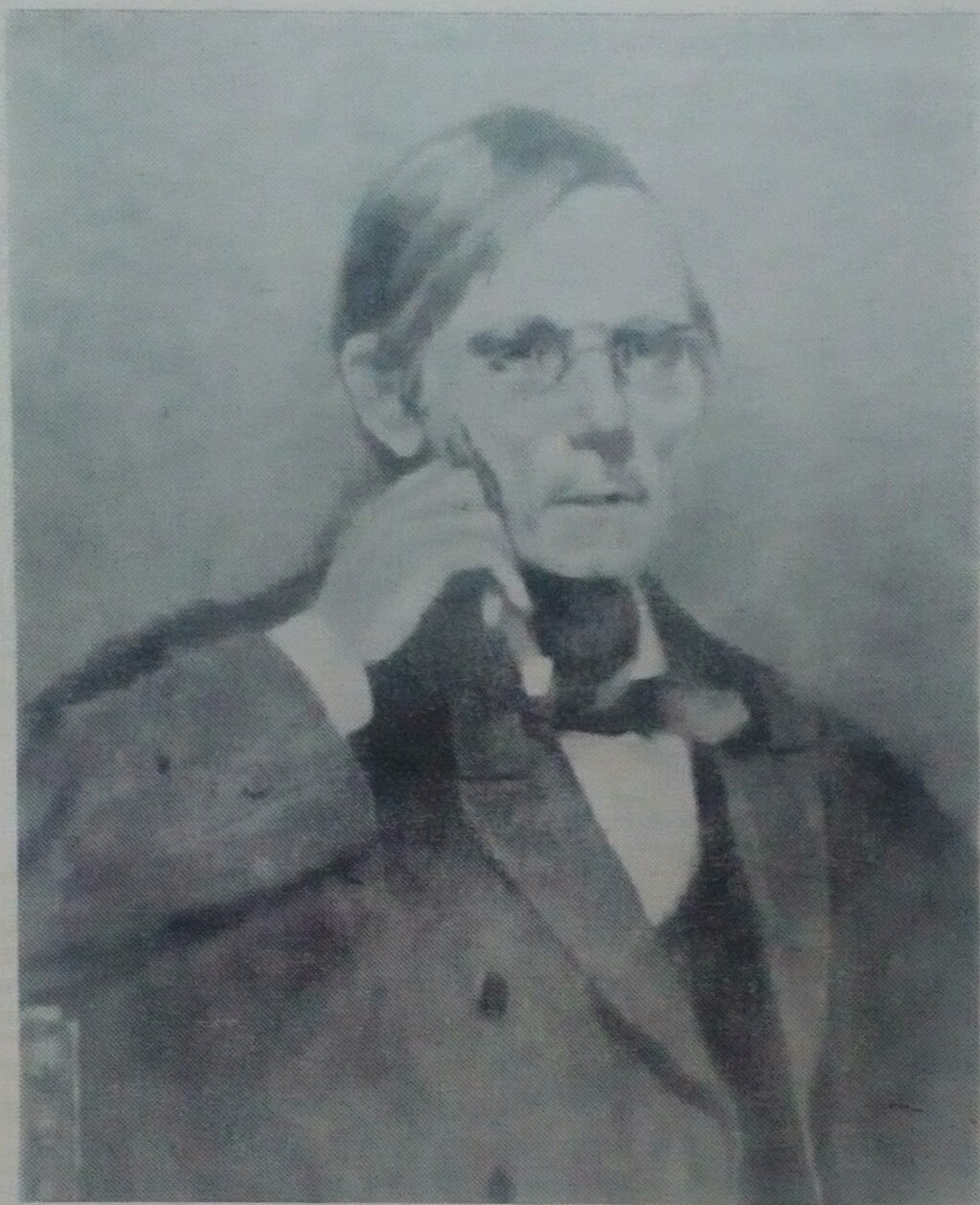
Закончив роман «Война и мир», Толстой переживал «самое мертвое время»: не думал, не писал и чувствовал себя «приятно глупым».

Но вскоре наступил период «упорной внутренней ра-

боты», активной общественно-педагогической и писательской деятельности. Он составляет и издает книги для детского чтения — «Азбуку», «Новую азбуку», «Русские книги для чтения», вновь увлекается школьным делом и педагогическими проблемами, обдумывает учебники по грамматике и арифметике, обдумывает статью «О народном образовании». Софья Андреевна Толстая пишет брату С. А. Берсу 20 ноября 1874 года: «Левочка весь ушел в народное образование, школы, учительские училища, т. е. где будут образовывать учителей для народных школ, и все это его занимает с утра до вечера...»⁵ Сам Толстой 16 февраля 1875 года сообщал Н. Н. Страхову о том, что у него есть «практическая деятельность» — «руководство 70-ю школами, которые открылись в уезде и идут удивительно». Не прекращается и писательская деятельность Льва Николаевича. Он обдумывает замысел произведения о времени Петра I, а затем, оставив его, принимается за «Анну Каренину».

С. А. Рачинский, защитив в 1866 году докторскую диссертацию и получив звание ординарного профессора, вдруг неожиданно выходит в отставку. Лондонский «Колокол» Герцена в те дни писал: «Мы находим в русских газетах внезапный выход в отставку шести профессоров: Соловьева, Бабста, Чичерина, Дмитриева, Капустина и Рачинского. Причина такой внезапной отставки неизвестна. Неужели правительство нашло их слишком либеральными? Или и они не выдержали гнета либерального русского правительства?»⁶

Да, не выдержали. Не выдержали грубого нарушения министром просвещения графом Д. А. Толстым университетской автономии, восстановленной новым уставом от 18 июня 1863 года. Противник реформ, реакционер и мракобес Д. А. Толстой бесцеремонно вмешался в спор, возникший между прогрессивно настроенными «молодыми», и реакционными, «старыми», профессорами по поводу перевыборов на профессорскую должность двух не пользовавшихся авторитетом профессоров — В. Н. Лешкова и А. И. Меньшикова. «Молодые» профессора опротестовали результаты выборов, так как при голосовании были допущены нарушения правил. Совет поддержал их. Но «старым» профессорам удалось с помощью министра отвергнуть протест «молодых». Товарищ Рачинского профессор Б. Н. Чичерин с возму-

С. А. Рачинский. Портрет работы Н. П. Богданова-Бельского.

щением подчеркивал беззаконие и произвол, допускавшиеся министром.

Сам Сергей Александрович воспринял университетский скандал как кошмар. Он сообщал матери: «В чем дело, расскажу на словах — писать об этом и длинно, и скучно, и гадко». Б. Н. Чичерин вспоминал: «Все, что происходило в университете, было до такой степени противно его тонкой и чуткой натуре, что оставаться в нем далее он не мог».

Толстой знал об этом «университетском вопросе» и

упомянул о нем в третьей главе седьмой части своего нового романа «Анна Каренина».

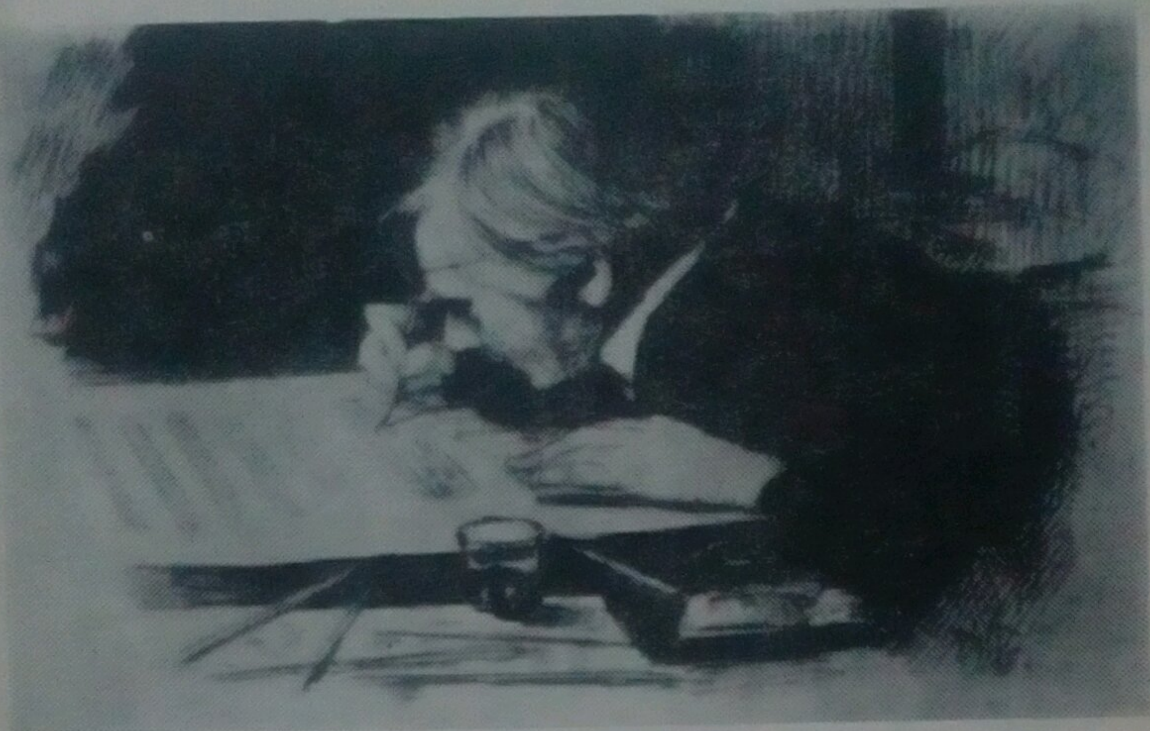
Рачинский любил Москву с ее библиотеками, концертами, театрами, музеями, литературными салонами, но суета столичной жизни была ему тяжела. «Московская жизнь, — писал он матери, — мне решительно не по нутру: она и суетна, и утомительна, и дорога... Здесь и переводить не успеваешь, и серьезная работа не клеится за тысячью дразг... Не знаю, слишком ли я еще молод, или уж слишком стар, но сил моих на эту жизнь не хватает. Мне нужен покой, или по крайней мере отдаленная надежда на покой. Вот почему я так настойчиво мечтаю о собственном уголке в деревне...»

Уйдя в отставку, Рачинский уехал в родное Татевое. У него была мечта купить небольшое имение Сидорово, расположенное в трех верстах от Татева, и в «собственном гнезде» «сесть на хозяйство». Но жизнь подтолкнула иной путь. Доктор наук, профессор Московского университета стал сельским учителем. О том, как это случилось, Рачинский рассказал Толстому в письме от 20 марта 1877 года. «Запрошлую осень сестра, занимавшаяся школой, оставила Татеево, и мне вздумалось помочь учителю в преподавании арифметики. Теперь у меня в Татееве шестьдесят учеников при четырех учителях. В окрестностях возникли еще две школы, и я буквально с утра до вечера учу и учусь...» В 1875 году Рачинский на свои средства построил хорошее школьное здание с общежитием для бедных детей.

Сергей Александрович считал, что перед школой стоят две главные и взаимосвязанные задачи — учить и одновременно воспитывать. Осуществить это невозможно, если учитель будет приходить только на уроки. И он, стремясь быть как можно ближе к ученикам, переселился из барского дома в школу, в две комнатки, служившие ему кабинетом и спальней.

Н. Горбов вспоминал, что в Татевской школе ученики и учителя жили как одна семья, с которой сам Сергей Александрович «делил все мелочи, весь обиход жизни». Он довольствовался простой крестьянской пищей, скромно одевался и все время был со своими учениками.

Рачинский придавал большое значение эстетике быта. Школу окружали цветники, она была увита виноградными лозами. Классы сияли чистотой, были укра-

С. А. Рачинский за работой. Рисунок Н. П. Богданова-Бельского.

шены картинами, фотографиями, рисунками учеников, цветами.

Занимаясь эстетическим воспитанием, Рачинский открыл в школе курсы рисования, художественную мастерскую. На всю округу славился многоголосый хор, в котором пели ученики и родители. Сам прекрасно музыкально образованный, Сергей Александрович охотно учил способных детей музыке. Для школы он приобрел сначала фисгармонию, потом рояль. Современник вспоминал: «Помню регента — худощавого молодого человека с голубыми глазами и тонкими чертами лица. Этот бывший крестьянский мальчик с красивым дрожащим тенором руководил спевкой хора и выказывал столько чуткой музыкальности, когда старался добиться тонкой художественной отделки пения, что я невольно поверил словам Рачинского, какое множество талантов таится в крестьянской массе, как много художников *in potentia* доживает свой век, и не подозревая о своих способностях».

Сергей Александрович был озабочен развитием дарований своих учеников. Он видел, что крестьянские дети наделены разнообразными способностями, но преобладают, считал он, математические и художествен-

ные. И он старался, чтобы они не заглохли. Так, Рачинский заметил незаурядную художественную одаренность крестьянского пастушонка Коли Богданова, сына бедной бобылки села Шитики. Он взял его в свою школу, а потом помог получить художественное образование в Московской школе живописи, ваяния и зодчества под руководством В. Д. Поленова, В. Е. Маковского, И. И. Прянишникова. Благодаря отеческой поддержке Сергея Александровича Н. П. Богданов-Бельский стал знаменитым художником, участвовал в выставках передвижников, создал многочисленные полотна из жизни татевской детворы, портреты любимого учителя.

На одном из первых мест в педагогической системе Рачинского стояло трудовое воспитание. Сергей Александрович считал, что «только постоянным трудом вырабатываются люди, и в этом труде необходимы руководители, пример». И такой пример огромного трудолюбия подавал учащимся он сам. «Все его время — и будни, и праздники, и зима, и лето, — писал о нем Н. Горбов, — было посвящено школе, в которой занятия продолжались целые дни (ибо были и вечерние занятия, неизбежные при общежитии) и целый год (ибо летом Рачинский готовил своих выучеников к учительским экзаменам, к поступлению в различные учебные заведения, вел повторительные занятия с уже поступившими)».

Учитель организовал в школе самообслуживание. Ребята «все делали сами по хозяйству: рубили дрова, топили печи, носили воду, мыли полы, чистили и убирали школу и общежитие, помогали кухарке стряпать обед. В школе не было даже сторожа, все его обязанности ученики исполняли сами. Сами же они работали в огороде, ухаживали за овощами и ягодами, и в пчельнике, и в цветнике, разводя массу цветов, которые круглый год не переводились в школе»⁷. Ребята обучались столярному, слесарному, плотницкому, переплетному мастерству.

Большое значение Сергей Александрович придавал нравственному воспитанию учеников. Он старался пробудить в них чувства долга и благожелательности, дружбы и приязни, нежности и кротости и в то же время стремился развить в них твердость, стойкость, самообладание и вообще создать в воспитанниках нравственно-цельный характер.

Устный счет. Картина Н. П. Богданова-Бельского.

Современник так вспоминает о школе Рачинского: «Меня поразило в ней особенное настроение учеников: это было тихое счастье детей, странное в наше время любовное, братское и почтительное отношение друг к другу. К С. А. Рачинскому ребяташки относятся как любимому и доброму «дедушке», доверчиво обступая его, — совершенно не так, как обыкновенно обступают ревенские ребята перед «барином». Я видел несколько учительствующих бывших учеников Рачинского. С всех от них веяло чем-то искренним и честным. Я видел в задушевные глаза этих людей, поднявшихся, вышедших из народной массы, но не порвавших ни одной из нитей, связывающих их с коренной народной силой».

Ученый европейского масштаба, С. А. Рачинский питал большой интерес к народной самобытной культуре. Он собирал фольклор, произведения кустарных ремесел. Дорожил он и национальными чертами характеров своих учеников. Но это не мешало ему воспитывать их в духе уважения к людям другой национальности. С любовью рассказывал он Толстому об интернациональном чувстве крестьянских ребят. Его брат сдал в аренду землю латышским семьям. В Татеве появились дети-латыши. «Это событие, — по словам Сергея Александровича, — произвело в школе настоящую революцию. Латышата, не знавшие ни слова по-русски, стали ходить к нам по вечерам. Я сказал моим школьникам, что и следует учить по-русски, и они принялись за это дело такой настойчивостью, с таким терпением и изобретательностью, что уже теперь есть заметные успехи. Н могу пересказать Вам, как это делается мило, просто и ласково».

С. А. Рачинского отличали любовь и уважение к своим ученикам, крестьянским детям. Его радовала жажда знаний у них. «Представьте себе, — писал он Толстому в марте 1877 года, — что с 10 октября школа не закрывалась ни на один день (и на праздники остаются охотники), что каждый вечер приходится тушить лампы, чтобы прекратить занятия в приличный час. И это совсем не потому, как думают многие, что в школе светло и тепло, что тут всегда барин. В окрестных школах, дурно обставленных, с плохими учителями — то же самое, та же настойчивая, ненасытная жажда учения».

Дети на уроке. Картина Н. П. Богданова-Бельского.

Сергей Александрович восхищался незаурядными способностями и нравственными качествами своих питомцев. «Передо мною постоянно шестьдесят крестьянских мальчиков,— писал он Толстому в 1878 году.— Для меня несомненно, что уровень умственных способностей и нравственной силы между ними несравненно выше, чем между шестидесятью мальчиками из наших высших сословий, или между шестидесятью крестьянскими мальчиками из самой образованной местности Германии».

Учителя волновал острый социальный вопрос, над которым размышлял и Толстой: «Отчего вокруг меня в крестьянском быту эта страшная нищета, и беспомощность, и распущенность?»

Рачинский предчувствовал большие изменения в жизни страны. «Не могу отделаться от мысли, что в нашем народе происходит психологический переворот, пробуждение умственных и нравственных сил, что мы

накануне чего-то громадного», — писал он Льву Толстому.

В этом процессе умственного и нравственного пробуждения народа большая роль, считал Сергей Рачинский, принадлежит школе.

5

На вопрос Толстого, для чего нужны сельские школы, Рачинский отвечал так: «Образованному человеку учить крестьянских ребят, как родильнице кормит грудью своего ребенка». Он видел обусловленное природою стремление крестьян к знаниям. «Они так голодают так жадно льнут ко всякому, который может чему-либо их научить». По его мнению, «когда целым поведением овладевает страсть, именно страсть к арифметике и орфографии, было бы преступлением не удовлетворить их запроса». А «взаимное удовлетворение, которое приносит это дело», является показателем «его естественности и законности».

Рачинского и Толстого волновала проблема, чем нужно учить крестьянских ребят. Они были убеждены, что определит это сам народ. А требования его очень просты: школа должна научить читать, писать, считать. Но со временем требования народа изменятся и нужно будет вводить новые предметы. Сношения с Ригой, рассказывал Рачинский Толстому, начинали возбуждать интерес к географии, а слухи о русско-турецкой войне — к новейшей истории.

В Татевской школе изучали церковнославянский язык, читали псалтырь, библию, евангелие. Но главное внимание уделялось русскому языку, чтению отрывков из сочинений классиков, заучиванию наизусть стихотворений.

В своей педагогической практике Рачинский широко использовал книги Толстого для школьного чтения. «...Ваши книги для чтения, — сообщал он писателю 6 января 1878 года, — величайшая услуга... русскому школьному делу. Благодаря Вашим книгам, мои старшие ученики уже читают с наслаждением «Капитанскую дочку» и «Дубровского», некоторые повести и комедии Гоголя». И в другом письме: «Видали ли Вы,

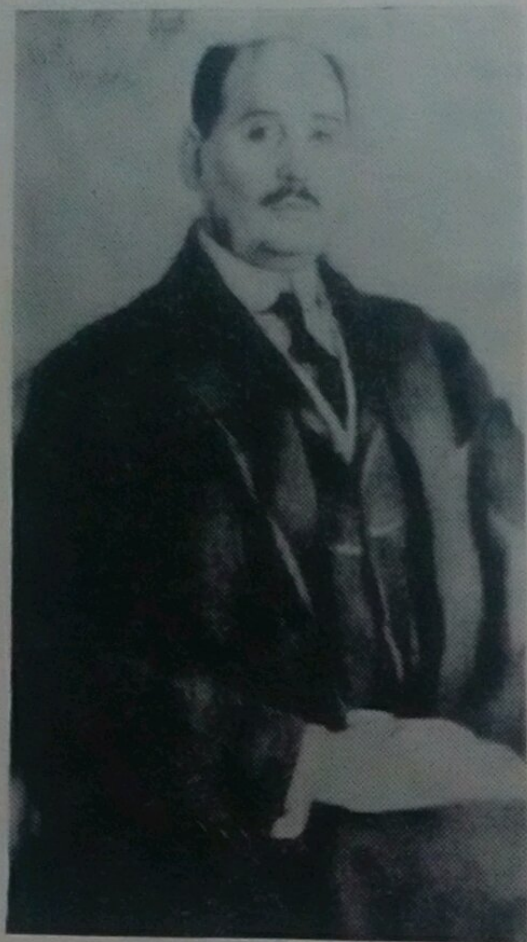
Воскресные чтения в сельской школе. Картина Н. П. Богданова-Бельского (второй справа — С. А. Рачинский).

как новички, прочитавшие несколько страниц из «Новой азбуки», останавливаются, пораженные чудом грамоты, крестятся и целуют Вашу книгу? Как более грамотные мальчики с нежностью гладят Ваши «Книги для чтения», приговаривая: «Вот это — книга добрая!».

Свою высокую оценку «Новой азбуки» и «Книг для чтения» Рачинский высказал печатно. В «Заметках о сельских школах» он писал: «Ни в одной европейской литературе ничего подобного не существует... Великий писатель посвятил несколько лет своей жизни сельской школе, много учил в ней и многому в ней научился. Его книги (пригодные для детей всех сословий) — не плод художественной прихоти, а жизненное дело, совершённое с глубочайшим вниманием ко всем его практическим подробностям... Во многих своих очерках и мелких рассказах он доходит до чисто пушкинской трезвости и силы».

Сергей Александрович побуждает писателя продолжать эту работу и «подарить» учащимся сельских школ «пятую и шестую и т. д. книгу для чтения». Он просит об этом Льва Николаевича не только от своего имени, но и от имени учеников Татевской школы.

Изучение русского языка в Татевской школе преследовало цель не только научить детей читать, писать,

Портрет Н. П. Богданова-
Бельского работы
С. В. Малютина.

владеть языком, но и формировать их нравственно, эстетически, развивать творческие способности. Толстой и Рачинский уделяли большое внимание школьному сочинительству.

Развитию мыслительных способностей учащихся служило и преподавание арифметики, которым Сергей Александрович очень увлекался⁸. Он учил детей думать, рассуждать. В картине Н. П. Богданова-Бельского «Устный счет» на классной доске написан сложный пример. Татевские ученики решали его устно⁹.

В свои занятия арифметикой Рачинский посвящал Толстого, сообщая ему об открытии «громадной системы признаков делимости на все без изъятия цифры».

Писатель и учитель ставили перед собой вопрос: как учить детей? Толстой

отвечал на него так: «Чем с меньшим принуждением учатся дети, тем метод лучше; чем с большим, тем хуже». В школе Рачинского обучение велось без всякого принуждения. Большое значение он придавал индивидуальному подходу к учащимся. «Я,— рассказывал Сергей Александрович Толстому,— стараюсь следить за тем, что происходит в головке каждого мальчика, и помогать ему в том, что его затрудняет. Таким образом, учение сводится к непрерывной импровизации — подчас очень утомительной (для учителя.— И. А.), часто неудачной,— но зато нет ни минуты скуки — всегда веселые лица и вечный крик (я с осени было оглох на левое ухо)».

Татевский учитель одним из первых в России выступил за обучение грамоте крестьянских девочек. «Будущие матери семейства должны быть утверждены в тех

навыках и знаниях, которые они призваны передавать своим детям еще раньше поступления их в школу...» — писал он¹⁰. Рачинский был убежден в возможности и даже пользе совместного обучения в сельской школе мальчиков и девочек. Он смело осудил в печати постановление министерства народного просвещения, запрещавшее вместе с мальчиками обучать девочек старше 12 лет, так как оно мешало доводить девочку, пришедшую в школу 10—11 лет, до полной грамотности. «Легко смеяться над этим постановлением, словно изданном в Париже и для Парижа, над тем баснословным незнанием сельского быта, сельских нравов, которое одно может его извинить», — писал Рачинский¹¹. Он считал, что мальчики и девочки, проводящие в деревне без всякого надзора всю свою жизнь вместе, не повредят друг другу и в школе. Наоборот, считал Сергей Александрович, мальчикам полезно с раннего детства убедиться в том, что их сестры, будущие жены не уступают им в умственном развитии. Но трудовое обучение для девочек и мальчиков в Татевской школе было различным: мальчики занимались ремеслами, нужными в крестьянском быту, для девочек был открыт класс вязания, вышивания, кружевоплетения.

Рачинский добился открытия в Глуховской волости Бельского уезда двух женских школ — Шопотовской и Тарховской. Последняя особенно славилась своими мастерицами. В 1885 году Сергей Александрович стал попечителем женских училищ.

Деятельность Рачинского сделала Татеву настоящим умственным и педагогическим центром. «Что Вам сказать про мою школу? — писал он Толстому. — Приезжают на нее смотреть разные народы и восхищаются. Я далеко не разделяю их восхищения». Это была ложная скромность. Н. Горбов рассказывал: «Каждое воскресенье, каждый праздник съезжались в Татевскую школу соседние учителя, священники, ревнители народного просвещения, чтобы насладиться в истинном смысле слова общением с ним, услышать слова назидания, ободрения. Мало-помалу в школе развились воскресные собеседования, весьма многолюдные, и Сергей Александрович принимал в них деятельное участие».

С. А. Рачинский был активным и самоотверженным организатором народного просвещения в Смоленской губернии. Руководя Татевской школой, он немало сил от-

У дверей школы. Картина
Н. П. Богданова-Бельского.

давал созданию школ в других селах и уездах. К 1895 году построил на свой собственный счет 10 школьных зданий и постоянно содержал 10—12 школ. Л. Стрелкова со ссылкой на архив сообщает, что татевский педагог помогал советами и материально всем земским и министерским школам Бельского уезда. С 1889 по 1897 год он израсходовал своих средств больше, чем земство, в 13 раз и чем министерство народного просвещения — в 32,2 раза. Всего на нужды школ С. А. Рачинский из своих средств потратил более 100 тысяч рублей¹².

Свои педагогические наблюдения Рачинский обобщал в статьях и книгах. Его сборник «Сельская школа» на несколько десятилетий стал настольной книгой народных учителей. За него

Сергей Александрович в 1891 году был избран членом-корреспондентом Российской Академии наук.

Об этой книге газета «Московские новости» писала: «Содержание ее гораздо шире скромного названия. Это содержание обнимает не только частный вопрос о наших сельских школах, но и огромный вопрос о возможности и необходимости своей культуры... Книга С. А. Рачинского есть плод свободной мысли, свободного чувства, не подчиняющихся никакой доктрине, не вогнанных ни в какую шаблонную рамку».

Школа — главная тема переписки татевского учителя с Львом Толстым.

Рачинский считал, что именно Толстой натолкнул его на педагогическую деятельность в деревне, и благодарил его за это. «С тех пор, как меня затянуло это дело, — писал он Льву Николаевичу, — я так часто и с

Урок рукоделия. Картина Н. П. Богданова-Бельского.

такой любовью думаю о Вас... Еще и еще благодарю Вас (ведь Вы же, помните, наталкивали меня на это дело...)». И он рассказывал писателю об организации Татевской школы, о средствах на какие она существует, знакомил с отдельными детьми, их характерами и склонностями, сообщал о своих летних занятиях со старшими ребятами, которых готовил в учителя, о желании своих подопечных учиться дальше и о многом другом.

Письма Рачинского доставляли Льву Толстому «истинную и редкую радость». Толстой очень ценил его педагогическую деятельность, даже «немного завидовал» ему, вспоминая свое увлечение школой. Мечтая повидаться со старым товарищем, Лев Николаевич писал Рачинскому: «Мне дорого будет видеть, как много серьезнее, глубже Вы во всей силе духовной отнеслись к тому же самому предмету, к которому я относился так первобытно».

Толстой делится с Рачинским своими сокровенными мыслями, в частности, о том, «для чего нужны школы». Несколько лет назад, в декабре 1874 года, увлекаясь школьным делом, он написал А. А. Толстой ставшие знаменитыми слова: «Я хочу образования для народа

только для того, чтобы спасти тех тонущих там Пушкиных, Остроградских, Филаретов, Ломоносовых. А они кишат в каждой школе». Теперь Лев Николаевич повторял эту мысль в письме к Рачинскому. На вопрос для чего нужны народные школы, он отвечал: «Учить этих детей надо затем, чтобы дать им дощечку спасения из этого океана невежества, в котором они плывут... Я не мог и не могу войти в школу и в сношения с мальчишками, чтобы не испытать прямо физического беспокойства, как бы не просмотреть Ломоносова, Пушкина, Глинку, Остроградского и как бы узнать, кому что нужно». Толстой относился к Рачинскому тепло и по-дружески. «...Чувствую к Вам нежность», «письма ваши очень радостны, потому что мы очень родственны с Вами, и я люблю Вас», — писал он Сергею Александровичу. Толстой «ужасно» хочется побывать в Татеве. «Я очень тяжел на подъем и очень занят бываю, но мне этого очень хочется, и я Вас очень люблю».

6

Учительствуя в Татеве, С. А. Рачинский продолжал следить за творчеством Л. Н. Толстого.

В январском номере «Русского вестника» за 1875 год он прочитал четырнадцать первых глав романа «Анна Каренина». Они сильно взволновали его, и Сергей Александрович тотчас сообщил писателю о своем впечатлении. Это был один из первых отзывов о романе. К сожалению, не сохранившийся. Но из ответа Льва Николаевича от 21 февраля 1875 года видно, что он был хваленым. Толстой обрадовался, что «Каренина» отыскала Рачинского и «присоветовала» ему написать. «Пожалуйста, напишите, что Вы? Что делаете? Есть ли возможность когда-нибудь увидеть Вас? Верьте, что эти вопросы не от праздного любопытства», — заканчивал Лев Николаевич письмо Рачинскому.

Через два года, 20 марта 1877 года, Сергей Александрович послал Толстому «длинное послание». В нем он опять говорил об «Анне Карениной», печатание которой частями еще продолжалось, и, как и раньше, хвалил этот роман, ставя его выше «Войны и мира». «То же прозрение, та же искренность и притом нечто новое — власть над собственным творчеством».

В июле 1877 года завершилась первая публикация «Анны Карениной». Дочитав роман, Рачинский 6 января 1878 года сообщал писателю свой отзыв о нем. Считая, что это «бесспорно, лучшее произведение» Толстого и «лучший из современных романов», он отметил, однако, «коренной недостаток» в его построении. «В нем нет архитектуры,— утверждал Сергей Александрович.— В нем развиваются рядом, и развиваются великолепно, две темы, ничем не связанные. Как обрадовался я знакомству Левина с Анной Карениной!— Согласитесь, что это один из лучших эпизодов романа. Тут представился случай связать все нити рассказа, и обеспечить за ним целостный финал. Но Вы не захотели...» В отзыве Рачинского о композиции «Анны Карениной» сказалось типичное для критиков тех лет непонимание внутренней связи двух идейно-композиционных линий романа: линии Карениной и линии Левина.

Толстой не остался равнодушным к замечанию Рачинского. «Суждение Ваше об А. Карениной мне кажется неверно,— отвечал он ему 27 января 1878 года.— Я горжусь, напротив, архитектурой — своды сведены так, что нельзя заметить, где замок. И об этом я более всего старался. Связь постройки сделана не на фабуле и не на отношениях (знакомстве) лиц, а на внутренней связи. ...Боюсь, что, пробежав роман, Вы не заметили его внутреннего содержания. ...Если Вы уже хотите говорить о недостатках связи, то я не могу не сказать — верно, Вы ее не там ищите, или мы иначе понимаем связь; но то что я разумею под связью,— эта связь там есть — посмотрите — Вы найдете».

Получив этот ответ писателя, Рачинский счел необходимым уточнить свое замечание. В письме от 5 февраля 1878 года он пояснял, что «не думал отрицать внутренней связи между двумя параллельными рассказами... Упрек мой относится именно к архитектуре внешней». Сергей Александрович не считал единство фабулы «простой веревочкой», которая связывает сюжетные линии и персонажи, а видел в этом «могучее средство для воплощения мысли».

На это Толстой отвечал: «Виноват, я не так Вас понял; теперь понял и согласен, хотя Ваше замечание об архитектуре и неопределенно, скорее тонко, но я понял его и постараюсь последовать Вашему указанию, если будет случай...» Возможно, именно эта полемика помог-

ла Толстому позднее сформулировать свое понимание того, на чем основывается единство, цельность всякого художественного произведения. В предисловии к сочинениям Мопассана он писал: «Люди, мало чуткие к искусству, думают, часто, что художественное произведение составляет одно целое, потому что в нем действуют одни и те же лица, потому что все построено на одной завязке или описывает жизнь одного человека. Это несправедливо... Цемент, который связывает всякое художественное произведение в одно целое и оттого производит иллюзию отражения жизни, есть не единство лиц и положений, а единство самобытного нравственного отношения автора к предмету».

7

Желая «войти поближе в духовное общение» с Сергеем Александровичем, Толстой 6 апреля 1878 года спрашивал его: «А вопросы искусства, а вопросы религиозные... Намекните, как Вы относитесь к ним». Лев Николаевич не случайно интересовался отношением Рачинского к религии. Ведь то был момент напряженных духовных исканий писателя. Отвечая на этот вопрос, Сергей Александрович признался в своей преданности церкви, рассказал о роли священника в его школе, о религиозном чувстве крестьян, их интересе к евангелию, о церковном пении детей, о празднованиях в школе пасхи. Толстого ответ Рачинского на вопрос об отношении к религии не удовлетворил. «Жалко, что коротко», — заметил он.

Писатель искал личной встречи с татевским учителем. «Жду не дождусь радости увидеть Вас», — писал он ему 23 апреля 1878 года. «Хотелось бы побывать у Вас», — говорил в письме от 2 ноября 1879 года. И вот представился случай посетить Рачинского. В конце сентября 1881 года, чтобы хоть на время вырваться из барских условий жизни, Толстой уезжает в деревню Шевелино Новоторжского уезда Тверской губернии к свободомыслящему крестьянину Василию Сютяеву. На обратном пути из Торжка в Москву Лев Николаевич хотел заехать к Рачинскому. Об этом он и телеграфировал 30 сентября в Татеву, о чем упоминалось вначале.

Татевская средняя школа. 1988 г.

Взволнованный Рачинский тотчас послал ответную телеграмму: «Всегда рад Вас видеть...» и далее следовало указание, как проехать в Татево. Лишь на следующий день Сергей Александрович увидел, что получил телеграмму Толстого с опозданием на шесть недель. Было ли это оплошностью телеграфа, или результатом вмешательства полиции? Так или иначе, но ответа Рачинского на опоздавшую телеграмму Лев Николаевич не дождался.

На следующий день после получения телеграммы, 11 ноября 1881 года, Сергей Александрович написал Толстому письмо. «Можете себе представить наше горе! Вы уже ехали к нам — и, благодаря телеграфу, мы узнали об этом лишь через шесть недель! А как отраднo, как нужно было бы мне Вас видеть!» И он вновь выражает надежду, что Толстой все-таки соберется в Татево, рассказывает о своих школьных делах и сообщает о том, что он опубликовал в «Руси» педагогические заметки.

С «Заметками о сельских школах» Рачинского, опубликованными в 1881 году в газете «Русь», Лев Николаевич был знаком. Многие в них ему не могло не импонировать. Это прежде всего мысль, которую Рачинский не раз высказывал в письмах Толстому, о «настоячивой, ненасытной жажде учения» у крестьянских детей, об их одаренности и высокой нравственности.

Близко писателю было и убеждение Сергея Александровича в том, что учительство в русской сельской школе не есть ремесло, но призвание... В «Заметках» Рачинский писал, что сельской школе нужны учителя трудные, непритязательные, прочные, исполняющие свое дело с любовью и терпением. Их добросовестность и терпение, умение обращаться с детьми и привлекать их внимание, угадывать, что в данную минуту затрудняет ребенка и как помочь ему, их цельное, духовное отношение к делу — поистине несравненное, а не бумажное, вести школу не на показ инспекторам училищ, а на умственную и духовную пользу ученикам.

Лев Николаевич обратил внимание на восторженную оценку Рачинским его педагогической и литературной деятельности. Слова о том, что «Война и мир» принадлежит к числу бессмертных произведений, что «во многих своих очерках и мелких рассказах Толстой доходит до чисто пушкинской трезвости и силы», не могли не быть писателю приятны. Однако пафос «Заметок» Рачинского остался ему чужд. Сергей Александрович считал, что сельской школе, отрешенной от церкви, воспитательные задачи непосильны, поэтому она должна существовать при церкви, как церковноприходская. Рачинский, конечно, видел, что в рядах сельского духовенства много людей порочных, питающих презрение к раскулаченному, подающих пример распутства и прикрывающего его обмана. Он был против огульной передачи школы в ведение церкви, но в принципе считал, что «лучший из мыслимых руководителей начальной школы есть добрый священник».

Толстому не понравилось неопределенно-православное направление «Записок», выраженное в них сочувствие церкви. И хотя из последующих писем видно, что и Толстой и Рачинский стремятся всячески сгладить возникшие между ними разногласия, идейные расхождения мешали развитию их дружеских отношений. В течение трех лет, с 1882 по 1884 год, они не переписывались совсем.

В 1885 году Рачинский пытается возобновить переписку с Толстым. Он пишет ему письмо, в котором рассказывает о гостивших в Татеве светских знакомых и японце Ивасаво, переводчике «Войны и мира». Но

В школьном зале в день 150-летия С. А. Рачинского, 1983 г.

оно не заинтересовало Льва Николаевича и осталось без ответа.

Следующее же письмо Рачинского от 19 июня 1886 года, содержащее оценку народных рассказов Толстого, вызвало в душе писателя новый всплеск дружеского расположения к нему. Сергей Александрович писал: «Вы не можете не чувствовать сами, какое Вы делаете великое, доброе дело, как на склоне Ваших лет растут и светлеют Ваши исполинские художественные силы... Исчезли все следы художественных приемов. Остался только «блеск правды». Это — верх совершенства».

Вероятно, ответом на послание Рачинского явилось письмо Толстого, которое условно датируется временем после 20 июня 1886 года. В нем Лев Николаевич дружески писал: «Спасибо, дорогой Сергей Александрович, за Ваше письмо. Я так рад, что Вы все такой же, какого я знал и любил, и та же Ваша прекрасная деятельность». Писатель не допускал, что в их взглядах могли быть разногласия. Он по-прежнему мечтал побывать в Татеве.

На это письмо С. А. Рачинский отвечал в июле 1886 года: «Как обрадовали Вы меня надеждою уви-

деть Вас в Татеве! Не забывайте Вашего доброго намерения. Увидеть Вас в Татеве — давнишняя моя мечта». Сергей Александрович тоже стремился сгладить назревающие между ним и Толстым разногласия. «О возможных между нами религиозных несогласиях не заботьтесь, — писал он. — И в самом резком разногласии обе стороны могут быть правы».

На этом переписка Толстого и Рачинского опять прерывается на три года, с 1887 по 1889 год. Но лично они видятся, правда, не в Татеве, а в Москве.

8

В конце 1880-х годов С. А. Рачинский начинает деятельную борьбу с пьянством. «Убежденный, что этот порок — одно из главных бедствий России, — писал биограф Рачинского, — он уговорил сперва своих ближайших сотрудников и воспитанников устроить общество трезвости, дав годовой обет абсолютного воздержания от спиртных напитков. Скоро общество начало разрастаться, появились через учеников, разошедшихся из Татева, его члены в других местах». В 1889 году С. А. Рачинский напечатал по этому поводу статью, послужившую толчком к усилению работы общества трезвости.

Толстой тоже в это время вел борьбу с алкоголизмом. В 1887 году им было создано общество трезвости под названием «Согласие против пьянства». В 1888—1889 годах он посвятил борьбе с пьянством статьи «К молодым людям», «Пора опомниться» и «Праздник просвещения 12-го января», редактировал статьи на эту тему молоканина Ф. А. Желтова и даже выступал о вреде вина и табака на волостном сходе. Естественно, что Лев Николаевич заинтересовался организацией общества трезвости Рачинским. В письме от 26 марта 1890 года Сергей Александрович подробно рассказывал Толстому об успехах начатого дела и послал свои статьи о трезвости. Он был рад, что Толстой — его союзник в этом начинании, сообщал об усердном распространении его комедии «Первый винокур» и выражал надежду, что писатель создаст трагедию о борьбе с пьянством, вроде «Власти тьмы». Говоря о том, что Толстой как человек и как «громадная литературная сила» ему очень дорог, Сергей Александрович не скрывал сво-

38. h⁵

194
Тамбов, 4ое Jan.

Письму к Вам, модному графу, в
Николаеве, мо-де-кажана-Вам
то, что Вам уже известно: Водня
и море - лучший роман, до сих пор
написанный на русском языке. Я
всегда был уверен, что Вас похвалит
написанный такой роман, но в-мат.
не могу не расхваливать Ваш. ро-
ман писателю, за то, что Вас похвалит
и сам.

Но если вы не любите романы,
тогда и мой роман. Если по-
хвалит он, придет мне и у вас
да и Толстому и перепишет ваш ро-
ман. Теперь я все под первым
именем выставляю, а в-мат.
ваше то, что вы не отпустили за

его неприятия его религиозных воззрений. Однако это не помешало Льву Николаевичу «с увлечением» писать ответ Рачинскому. Он тепло благодарил Сергея Александровича за письмо, «прекрасные» статьи о трезвости, радовался его деятельности по борьбе с пьянством, делился с ним своим замыслом написать предисловие к книге врача П. С. Алексеева о пьянстве. «У меня лежит прекрасная статья доктора Алексеева: история борьбы против пьянства, и мне очень хочется написать к ней предисловие,— писал Толстой.— Разумеется это для образованного класса. Образованный-то класс в этом отношении очень необразован. Но всего не успеваю. Дел набирается перед смертью обратно пропорционально квадрату расстояния».

Переписка с Рачинским вдохновила Толстого на осуществление своего замысла. На следующий же день после написания письма Рачинскому, 10 апреля 1890 года, Толстой принялся за предисловие к книге П. С. Алексеева и через два месяца закончил его.

Письмо Толстого «согрело душу» Рачинскому. «...Хочется верить,— отвечал он Льву Николаевичу 14 мая 1890 года,— что ничто нас не разделяет...»

В 1891—1897 годах Толстой и Рачинский не переписываются.

В 1895 году они стали родственниками: сын Льва Николаевича — Сергей Львович — женился на племяннице Сергея Александровича — М. К. Рачинской. Но личное общение приводило к спорам, и они стали избегать встреч. Так, в начале 1896 года Толстой, находясь в гостях в имении Олсуфьевых и узнав, что в Москву приехал Рачинский, писал жене: «Мне очень жаль, что не увижу Сергея Александровича Рачинского». И тут же добавил: «...хотя, может быть, это и лучше». Однажды Толстой и Рачинский встретились в дороге, по пути в Петербург. Лев Николаевич ехал в столицу, чтобы проститься с высылаемыми из России единомышленниками В. Г. Чертковым и П. И. Бирюковым. Сергей Александрович об этой встрече записал в дневнике 7 февраля 1897 года: «В Любани столкнулся с Л. Н. Толстым, едущим на два дня в Петербург. Звал меня к себе в вагон, но я уклонился: возникли бы разговоры, в вагоне слишком неудобные».

Многолетняя переписка татевского учителя с Толстым завершилась письмом Рачинского к Льву Нико-

лаевичу от 24 мая 1898 года. Посылая Толстому «в память старой дружбы» свои «Письма к духовному юношеству о трезвости», изданные в Казани в 1898 году, Сергей Александрович не без горечи замечал: «Вот пункт (увы! пожалуй, единственный), на коем мы с Вами не разошлись».

В 1902 году С. А. Рачинский скончался.

С. А. Рачинский еще при жизни Льва Толстого видел в нем «величайшего из ныне живущих писателей не только в России, но и в целом мире». Л. Н. Толстой, в свою очередь, высоко ценил его самоотверженную, бескорыстную, глубоко гуманную и демократическую деятельность как учителя крестьянских детей.

«О МНОГОМ ХОТЕЛОСЬ БЫ ПОГОВОРИТЬ С ВАМИ...»

(Л. Н. Толстой и А. Н. Энгельгардт)

1

Жизненные пути Л. Н. Толстого и А. Н. Энгельгардта никогда не пересекались. Но, не будучи знакомы, они проявляли друг к другу большой интерес.

Александр Николаевич Энгельгардт — личность выдающаяся.

Он родился в имении Климово Духовщинского уезда Смоленской губернии в 1832 году. По окончании петербургского Михайловского артиллерийского училища служил литейщиком в Арсенале. Увлечшись химией, Энгельгардт основал первую частную публичную химическую лабораторию и издавал первый русский научный «Химический журнал». Вскоре он стал доктором наук и профессором петербургского Земледельческого института. А. Н. Энгельгардт был замечательным педагогом, вдохновлявшим своих учеников заинтересованным живым отношением к делу. Его современник А. И. Фаресов вспоминал: «Каждый день, от утра до глубокой ночи можно было слышать не в том, так в другом отделении, среди групп занимающихся, звучный, слегка картавый бас хозяина, щедро на все стороны расточавшего свою помощь, остроумие и веселость». Из учеников Энгельгардта впоследствии вышел ряд профессоров и известных ученых.

В 60-е годы Энгельгардт был захвачен революционным движением, вступил в тайное общество «Земля и воля», вел политическую пропаганду среди студентов, подвергался арестам.

В 1870 году во время студенческих волнений Александр Николаевич с группой молодежи был арестован и заключен в Алексеевский рavelин Петропавловской крепости.

Вместе с ним была арестована и его жена Анна Ни-

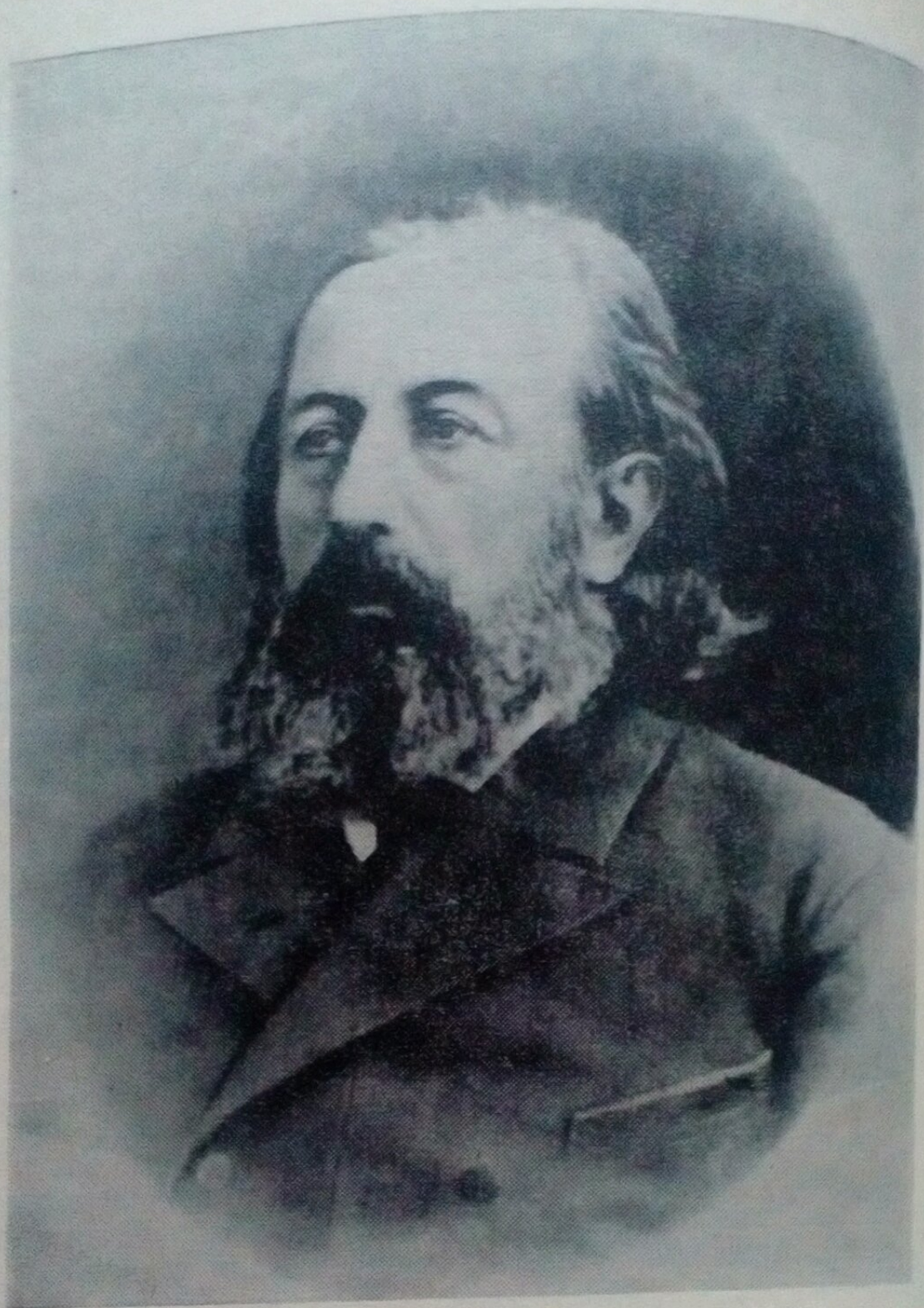
колаевна, переводчица и журналистка, работавшая продавцом в книжном магазине, созданном в Петербурге по решению общества «Земля и воля», инициатор организации первой в России женской издательской артели. Через полтора месяца заключения в одиночной камере Петропавловской крепости Анна Николаевна за отсутствием улик была освобождена. А Александр Николаевич, лишенный профессорского звания, права преподавать, был выслан из Петербурга с воспрещением выезда за границу и проживания в столицах и университетских городах.

В феврале 1871 года он поселился в своем имении Батищево Дорогобужского уезда Смоленской губернии, где и прожил под надзором полиции последние 22 года своей жизни. Здесь блестяще проявились новые грани его таланта.

Имение Батищево было страшно запущенным. Энгельгардт стал разрабатывать пустоши, облоги, ввел 15-польный севооборот с посевом клевера и льна, начал проводить опыты с внесением фосфоритной муки под рожь. Результаты превысили все ожидания. О местных землях он впоследствии писал: «Вы проезжали по Смоленской губернии и видели, что это такое, какое тут хозяйство. Между тем Смоленская губерния — это золотое дно...» А. Н. Энгельгардт ввел совершенно новую для нечерноземной полосы систему земледелия. Свой опыт он обобщал в статьях и книгах.

Успех его хозяйствования и выступления в печати привлекали в Батищево молодых людей, которые хотели научиться вести земледелие рационально. Имение Энгельгардта стало своеобразной сельскохозяйственной школой. С 1877 по 1884 год здесь работало 80 человек. Причем начинали молодые люди, как правило, с простого — с постижения тяжести и мудрости мужицкого труда. «Интеллигентные» артели в колонии создавались и около Батищева. В конце концов Батищево, по существу, стало первой русской агрохимической опытной станцией.

Но не только сельским хозяйством занимался Энгельгардт. В 1871 году в Батищево пришло письмо от М. Е. Салтыкова-Щедрина, родственника Александра Николаевича (их жены были двоюродными сестрами). Редактор «Отечественных записок» писал Александру Николаевичу: «Так как у Вас, вероятно, найдется сво-

А. Н. Энгельгардт. Фотопортрет.

бодное время, то вы могли бы употребить его с пользою..., изобразив современное положение помещичьих и крестьянских хозяйств»².

Александр Николаевич охотно согласился и начал работу над очерками о деревне. Он написал двенадцать очерков, которые в течение 11 лет, с 1872 по 1882 год, печатались в «Отечественных записках» под названием

«Письма из деревни» (последний очерк был опубликован после закрытия этого журнала в «Вестнике Европы»).

Обладая незаурядным талантом художника и публициста, А. Н. Энгельгардт создал в Письмах широкую и яркую картину жизни помещиков и крестьян после реформы, подверг резкой критике помещичье землевладение, горячо и искренне поведал о своих хозяйственных и социальных исканиях. «Письма из деревни» заинтересовали К. Маркса и заслужили высокую оценку В. И. Ленина. По словам Ленина, в них отражены наблюдения, «которые целые 11 лет собирал человек замечательной наблюдательности, безусловной искренности, человек, превосходно изучивший то, о чем он говорит»³. Ленин проанализировал историю хозяйства Энгельгардта и охарактеризовал его мировоззрение.

2

По воспоминаниям младшего сына А. Н. Энгельгардта Николая, в Батищеве царил атмосфера интереса и уважения к Толстому⁴. А старший сын народоволец Михаил, отбывавший ссылку в имении отца, переписывался со Львом Николаевичем. На одном из его писем Толстому Александр Николаевич сделал приписку: «Сердечно благодарю Вас за привет, многоуважаемый Лев Николаевич. Посылаю Вам поклон. Очень бы рад был, если бы представилась возможность лично с Вами познакомиться. О многом хотелось бы поговорить с Вами»⁵.

А. Н. Энгельгардту не посчастливилось повидаться с Толстым. Но если бы его мечта осуществилась, он узнал бы о том, что писатель внимательно читал «Письма из деревни» и очень высоко их ценил. Сын Льва Николаевича С. Л. Толстой в «Очерках былого» вспоминал: «В конце 1870-х годов появились в Ясной Поляне, не помню откуда, «Отечественные записки». Отец читал их с интересом, особенно Щедрин и «Письма из деревни» Энгельгардта».

Толстой воспринял «Письма из деревни» как произведение, близкое ему по духу. «Для меня это одна из тех книг, которая освобождает меня от части того, что я чувствую себя обязанным сделать», — писал он.

Что же в «Письмах из деревни» показалось Николаевичу близким? Какие проблемы, идеи были столь разными писателей общими?

Образ автора, встающий со страниц писем Энгельгардта, — современник толстовского Константина Левина. Оба они раскрываются перед читателем в сложнейших, волнующих, волновавших тогдашнюю дворянскую интеллигенцию 70-х годов.

Мы, конечно, понимаем, что «Письма из деревни» «Анна Каренина» произведения очень разные в равном художественном отношении. Письма Энгельгардта — это очерки. «Анна Каренина» — социально-психологический роман. Образ Левина раскрывается гораздо многостороннее, чем образ автора «Писем из деревни». Левин показан и в любви, и в семейных перипетиях. В «Письмах» эти стороны жизни автора остаются не раскрытыми. Понимаем мы и то, что Толстой как художник стоит так высоко, что не всякое произведение достойно сопоставления с его творениями. Смеем, однако думать, что сочинение А. Н. Энгельгардта достойно этого. Оно написано умным и талантливым писателем и отличается яркой образностью и художественной живостью. «Статьи Ваши все до единой драгоценны», — писал Энгельгардту Салтыков-Щедрин. — Я даже ожидал, чтобы Вы могли до такой степени овладеть формой, как это удалось Вам в «Письмах из деревни».

Итак, попытаемся сопоставить социально-хозяйственные искания Левина и автора «Писем из деревни».

3

Левин и автор «Писем» почти ровесники. Левину в начале романа 32 года, автору в первом письме 40 лет. Оба они по образованию естественники.

И Левину и автору «Писем» свойственна внутренняя враждебность к тому общественному кругу, к которому они принадлежат как помещики. Правда, у Левина она не выливается в открытый конфликт со своим классом, как у автора «Писем», который находится в ссылке за революционную деятельность.

Левина и автора «Писем» сближает и то, что они живут в деревне. Городскую чиновничью службу они презирают. «Для Константина Левина, — писал Толстой

в романе, — деревня была тем хороша, что она представляла поприще для труда несомненно полезного».

Автор «Писем» оказался в деревне не по собственной воле, но и он нашел в ней себе дело, захватившее его на всю жизнь.

«Анну Каренину» и «Письма из деревни» роднит та поэзия, с какой в них изображена деревенская жизнь. Вспоминаются толстовские прекрасные пейзажи, например, картина наступления весны. В «Письмах из деревни» Энгельгардта тоже немало описаний природы, полных очарования. Вот одно из них: «Весна в полном разгаре, всюду зелень и благоухание, черемуха в полном цвету, козелец зацветает, в лесу стоит весенний гул от пения птиц, жужжания насекомых, земля тепла, хоть босиком ходи, на пашне пахнет земляными червями — вот он, посевной запах»⁶.

Герой Толстого и автор «Писем» предстают перед нами как любящие землю хозяева.

Левин весь погружен в «любимое его хозяйство». Читая книгу, разговаривая с братом, а позднее с Кити, он думает о скотине, о возке навоза, об уборке сена, пахоте, о клевере, гречихе, пшенице. «В деревне, особенно летом, — пишет Толстой, — Левин бывал постоянно занят хозяйством, и ему не доставало длинного летнего дня для того, чтобы переделать все, что нужно».

Для автора «Писем» хозяйство тоже представляет первостепенный интерес. «Вместо того чтобы читать лекции, — говорит Александр Николаевич о себе, — возиться с фенолами, крезолами, бензолами, руководить в лаборатории практикантами, я продаю и покупаю быков, дрова, лен, хлеб, вожусь с телятами, поросятами...»

И Левин и автор «Писем», занимаясь хозяйством, постоянно общаются с крестьянами.

Толстой наделяет своего героя уважением и «кровной любовью» к мужику, «всосанной им, как он сам говорил, вероятно, с молоком бабы-кормилицы». «Он долго жил в самых близких отношениях к мужикам как хозяин и посредник, а главное как советчик (мужики верили ему и ходили верст за сорок к нему советоваться)». Постоянно наблюдая мужиков, Левин считал их людьми хорошими и интересными. Герой Толстого вступает в защиту мужика от нападок оголтелых крепостников. Он считает, что «озлобленный помещик» неправ в своем озлоблении к целому классу «и самому лучше-

му классу России». Левин восхищается трудолюбием крестьян. Мужики работают ловко, красиво, добросовестно, весело. Во время сенокоса «работа кипела», как они ни торопились, они не портили травы, и ряды откладывались также чисто и отчетливо». Герой Толстого отмечает способность народа в страдную пору на необыкновенное напряжение: «Скосить и сжать порожь и овес и свести, докосить луга, передвоить пар, обмолотить семена и посеять озимое — все это кажется просто и обыкновенно; а чтобы успеть сделать все это, надо, чтобы от старого до малого все деревенские люди работали не переставая в эти три-четыре недели втрое больше, чем обыкновенно, питаясь квасом, луком и черным хлебом, молотя и возя снопы по ночам и отдавая сну не более двух-трех часов в сутки. И каждый год это делается по всей России».

Левин высоко ценит нравственную красоту мужика. Он любит чистоту чувств молодой четы Парменовых, завидует «здоровому веселью» и «радости жизни», слушая разудалую песню возвращающихся с работы мужиков.

У Левина среди крестьян много друзей. Особенно тесно сходитесь он с ними в общем труде. В этом отношении памятен эпизод участия Левина в покосе Калинова луга.

4

Толстой, с любовью подчеркивавший демократизм Левина, конечно, не случайно восхищался Энгельгардтом. В авторе «Писем из деревни» он увидел те черты, которые опозитизировал в герое своего знаменитого романа.

Энгельгардт писал о себе, что он, как хозяин, непременно должен был войти в близкие отношения с окрестными крестьянами. «Я мужиком не гнушаюсь, — заявлял он. И в другом месте: «Мне хотелось все знать. Мне хотелось знать и отношение мужика к его жене и детям, и отношение одного двора к другому, и экономическое положение мужика, его религиозные и нравственные воззрения, словом — все».

В «Письмах» выведена обширная галерея крестьянских типов. Автор относился к ним с глубоким уваже-

нием. «Посмотрите,— писал он,— на настоящего мужика-земледе́льца. Какое открытое, честное, полное сознания собственного достоинства лицо!»

Подобно Толстому, Энгельгардт сумел понять душу и нравственный облик крестьянина, обрисовать его глубоко психологично. Крестьянин любит землю, труд. «От такого земельного мужика вы услышите: «Я люблю землю, люблю работу, если я ложусь спать и не чувствую боли в руках и ногах от работы, то мне совестно, кажется, будто я чего-то не сделал, даром прожил день». У такого земельного мужика есть и любимый непродажный конь. Такой мужик радуется на свои постройки, на свой скот, свой конопляник, свой хлеб». Автор «Писем» отмечал «удивительную деликатность» мужика. Он нищему подает как бы невзначай, незаметно, щадя его стыдливость. С любовью отмечается жалостливость крестьянина, его нравственное здоровье, красота и чистота.

Как и Левин, автор «Писем» вступал в защиту крестьянина от тех, кто считал его глупым, нечестным, косным, простофилей. Характеристика русского мужика в очерках остро полемическая. «Послушать, что говорят разные газетные корреспонденты,— писал Александр Николаевич,— так, кажется, и хозяйничать невозможно. Мужик и пьяница, и вор, и мошенник, условий не исполняет, долгов не отдает, с работ уходит, взяв задаток, ленив, дурно работает, портит хозяйский инструмент и пр., и пр. Ничего этого нет...» Энгельгардт считал, что правильнее изобразил мужика И. С. Тургенев в «Певцах», чем Н. В. Успенский в «Обозе». «В деревне вы услышите этих «Певцов» и в песне косцов, возвращающихся с покоса, и в безобразном трепаке подгулявшей пары, возвращающейся с ярмарки, и в хоре калек переходящих, поющих о «блудном сыне», но «Обоза» вы нигде не увидите и не услышите. Успенский выставил нам русского простолюдина простофилей. Но это-то, я думаю, и неверно, недаром есть поговорка: «Мужик сер, да не черт его ум съел». Ум-то есть, только знаний нет, и круг приложения ума очень тесен, а дайте-ка ему простор!..»

Но при всем этом Левин и автор «Писем» далеки от того, чтобы идеализировать народ. Они видят «правду без всяких прикрас». Вспоминается эпизод из «Анны Карениной», как мужики из имения сестры Левина, жи-

вущей за границей, которым он управлял, при дележке сена пытались обмануть помещиков. Помним мы, как Левину было часто досадно, что повторялось это вечное нерящество хозяйства, против которого он столько лет боролся всеми своими силами.

Автор «Писем» раскрывал индивидуализм крестьянина. Он писал, что у каждого мужика в известной степени развит индивидуализм и эгоизм. Все это, однако, не мешает крестьянину быть чрезвычайно добрым, терпеливым, по-своему необыкновенно гуманным. «Посмотрите, — говорит Энгельгардт, — как гуманно относится мужик к ребенку, к идиоту, к сумасшедшему, к иноверцу, к пленному, к нищему, к преступнику... — вообще ко всякому несчастному человеку. Но при всем том, нажать кого при случае — нажмет».

И Левин, и автор «Писем» видят бедственное положение народа после реформы. Левин чувствовал несправедливость своего избытка в сравнении с бедностью народа. Он согласен с братом Николаем, говорящим, что мужики теперь такие же рабы, какими были прежде. Известно, что в последующем творчестве, в частности в романе «Воскресение», Толстой еще сильнее и полнее покажет картины нищеты народа после реформы.

Эта тема широко разработана и в «Письмах из деревни». Энгельгардт был потрясен нищетой крестьян. Слова «мужик бедствует!», как стон, как вопль, звучат на страницах его очерков. «Хлеба нет, корму нет, самому есть нечего, скот кормить нечем, в долг никто не дает — вот мужик и мечется из стороны в сторону: у одного берется обработать круг, у другого десятину льна, у третьего обработать луг, лишь бы денег вперед получить, хлебушка купить, «душу спасти». Положение мужика, который зимой, «спасая душу», набрал множество работы, летом самое тяжелое: его рвут во все стороны — туда ступай сеять, туда косить, — конца работы нет, а своя нива стоит».

В. И. Ленин справедливо отметил, что Энгельгардт посвятил «много превосходных страниц своей книги описанию забитого и униженного положения крестьянина, забравшего в долг денег или хлеба под работу, и вынужденного работать почти задаром при самых худших условиях личной зависимости»⁷.

Герой толстовского романа и автор «Писем» видят, что помещичье хозяйство трещит по всем швам. Левин

болезненно переживает разрушение имения Облонских. Исследователь Толстого Э. Г. Бабаев справедливо отмечает: «Описание Ергушева в «Анне Карениной» совершенно совпадает с тем, что писал о дворянском землевладении в 70-е годы А. Энгельгардт, один из самых проныцательных публицистов эпохи»⁸.

Автор «Писем из деревни» много и убедительно говорил о том, что помещичьи хозяйства пришли в упадок, усадьбы разрушаются, все лежит в запустении. «Помещичьи хозяйства не имеют будущности...» — утверждал он.

5

Героя Толстого сближает с автором «Писем» и то, что оба они люди думающие, анализирующие социально-экономические условия пореформенной России. Этому посвящены их книги, в которых ставится вопрос, как сложатся условия русской жизни после отмены крепостного права. Левин размышляет: «Как же теперь надо вести хозяйство?» «Это, может быть, не важно при крепостном праве или не важно в Англии. В обоих случаях самые условия определены; но у нас теперь, когда все это перевернулось и только укладывается, вопрос о том, как уложатся эти условия, есть только один важный вопрос в России».

«Так хозяйничать, как хозяйничает теперь большинство, невозможно... — утверждает в своей работе Александр Николаевич. — Нужно изменить систему хозяйства, но как изменить?»

Как же отвечают на этот вопрос Толстой и Энгельгардт? В их ответе есть и общее, и то, что их различает.

Левин, подобно народникам, отвертывается от мысли о том, что в России после реформы складывается буржуазный строй. Когда помещик Свияжский выражает надежду на буржуазное развитие, он возражает: «Но Европа недовольна этими формами. <...> Почему же нам не искать со своей стороны?» Левин верил в особый, самобытный путь развития русского хозяйства через артель, коллективное хозяйство. Он был убежден, что это приведет к всеобщему богатству и согласию интересов.

Эта романтическая утопия организации коллективного хозяйства в условиях частнособственнического

стройка сближала Энгельгардта с Толстым. Об артели Александр Николаевич писал много и горячо. «Изучив помещичьи и крестьянские хозяйства, я пришел к убеждению, что у нас первый и самый важный вопрос есть вопрос об артельном хозяйстве. Каждый, кто любит Россию, для кого дорого ее развитие, могущество, сила, должен работать в этом направлении. Это мое убеждение здесь в деревне выросшее, окрепшее.

Мало того, я, веря в русского человека, убежден, что это так и будет, что мы, русские, именно совершим это великое деяние, введем новые способы хозяйничанья. В этом-то и заключается самобытность, оригинальность нашего хозяйства».

Как видим, в идеях Толстого и Энгельгардта есть общее: вера в то, что артель даст богатство не только России, но и всему миру.

По мысли Александра Николаевича, показать, как сообща артелью вести хозяйство, должны были молодые люди из интеллигенции. Их пример будет «иметь большое значение для крестьянских деревень, ибо крестьяне понимают, что работать сообща выгоднее. Но как это сделать? Это должны показать интеллигентные люди на деле».

Как известно, призыв Энгельгардта к русской молодежи не остался гласом вопиющего в пустыне. Он нашел горячих последователей, пытавшихся в целом ряде земледельческих колоний вести хозяйство на артельных началах.

О близости идей Толстого и Энгельгардта свидетельствует и тот факт, что движение, вызванное «Письмами из деревни», сменилось иным движением, начало которого лежало в Ясной Поляне. В имение к Александру Николаевичу стали приезжать толстовцы, у которых с батищевцами было то общее, что «мозольный» мужицкий труд и простота обихода признавались необходимым условием нравственной жизни.

6

А как же с мечтами Левина и Энгельгардта об артельной форме ведения хозяйства? Сила Толстого в том, что он раскрыл классовый антагонизм между барином и крестьянином, мешающий быть им товарища-

ми, равноправными членами артели. Вот как он выразил это в романе «Анна Каренина». Левин понял, «что то хозяйство, которое он вел, была только жестокая и упорная борьба между им и работниками...», что «интересы его были им не только чужды и непонятны, но фатально противоположны их самым справедливым интересам».

Толстовский герой понял утопизм своей мечты об артели в обществе, основанном на классовом неравенстве.

Энгельгардт тоже видит классовую рознь, разделяющую барина и мужика. «Согласитесь, что тяжело жить среди общества, все члены которого, если не к вам лично, то к вам, как к пану, относятся неприязненно», — писал он. И еще: «Помещичьи интересы идут совершенно вразрез с интересами крестьян». И все-таки сомнений в осуществимости идеи артели в «Письмах из деревни» мы не найдем.

Эта народническая вера в особые пути России сочеталась у Энгельгардта с ведением хозяйства на капиталистических основах. В. И. Ленин писал: «Энгельгардт на практике вынужден был действовать как типичный манчестерец, вопреки своему теоретическому протесту против капитализма и своему желанию верить в особые пути отечества»⁹. Автор «Писем» понимал это противоречие, как понял Левин противоречие между классовым антагонизмом в деревне и идеей артели. Об этом свидетельствует следующий факт. Когда Н. В. Шелгунов напечатал в «Деле» статью «Хозяйственная деловитость», указав в ней на эксплуататорски-батрацкие начала в хозяйстве Энгельгардта, Александр Николаевич, по воспоминаниям А. Фаресова, сказал: «В петербургских журналах так прямо и называют меня «эксплуататором». <...> А ведь это, согласитесь, не интересно. Надо было сказать, что при противоположности интересов мужицкого и барского хозяйства, когда мужик молит бога об удешевлении ржи, а я о дороговизне, даже Энгельгардт должен вести кабальное хозяйство. Вот это интересно. Пока не образуется артельного хозяйства — даже я должен быть кулаком! Вот как надо было писать обо мне...»

Осознав эксплуататорский характер своего хозяйства, Энгельгардт, как и Левин, разочаровался в нем. А. Фаресов приводит его письмо от 8 февраля 1884 го-

да, в котором он говорит следующее: «Эксплуататорское хозяйство, которое я веду в Батищеве, давно уже перестало меня интересовать».

Итак, герой романа Толстого «Анна Каренина» и Энгельгардт жили в сходных условиях, наблюдали одни и те же явления русской жизни. Их социально-хозяйственные искания шли в одном направлении. Они были порождены критическим отношением к помещичьему строю, социальному неравенству, жаждой справедливости и свидетельствовали о закономерном движении всей русской жизни навстречу коренным социальным переменам.

«Читаю... Энгельгардта», — писал Л. Н. Толстой. И давал высокую оценку его «Письмам из деревни»: «Энгельгардт — прелесть. Это нельзя достаточно читать и хвалить...»

«НЕ ЗНАЮ, КАК ВЫ ОТНЕСЕТЕСЬ КО МНЕ...»

(Л. Н. Толстой и М. А. Энгельгардт)

1

В Отделе рукописей Государственного музея Л. Н. Толстого в Москве в особом конверте хранится копия письма Л. Н. Толстого, адресованного в смоленское имение Батищево Михаилу Александровичу Энгельгардту, сыну автора «Писем из деревни». Копия выправлена и подписана самим Толстым.

Что заставило Льва Николаевича отвлечься от своих творческих занятий и написать письмо сыну А. Н. Энгельгардта?

Михаил Александрович первый обратился к Толстому. Он жил тогда в Батищеве в ссылке. На его письме была приписка: «А. Н. Энгельгардт — мой отец. Если пожелаете ответить мне, то адресуйте на его имя, а моей фамилии на конверте не пишите; я нахожусь под надзором полиции, так что письма, адресованные ко мне, могут быть распечатываемы»¹.

Как Михаил Энгельгардт оказался в ссылке в Батищеве вместе с отцом? О чем он писал Толстому? Что писатель отвечал ему?

2

Михаил Александрович Энгельгардт родился в Петербурге в 1861 году². Родители были настроены прогрессивно-демократически и атеистически. По воспоминаниям младшего сына А. Н. Энгельгардта Николая, напечатанным в «Историческом вестнике» в июне 1911 года, они с братом Михаилом очень рано усвоили, «что религию выдумали жрецы, что кроме материи и силы нет ничего, что религия человечества есть общее благо и разумный эгоизм, с ним совпадающий, и нет ни души бессмертной, ни ангелов, ни чертогов божества и

сам «на кресте распятый бог был сын толпы и демагог...», что геология доказала вздорность семидневного творения и что человек произошел от обезьяны и под кожей стыдливо таит «рудименты хвоста». Дети с изумительной быстротой воспринимают убеждения их родителей».

В начале 70-х годов на семью Энгельгардтов обрушилась беда: арестовали и сослали отца. Имение Батищево, где он отбывал ссылку, было запущено и доходов не давало. Дети остались в Петербурге на попечении матери, добывавшей средства к существованию литературным трудом. Лишь через несколько лет, когда имение поправилось, отец смог взять к себе младших детей. Михаил, будучи гимназистом, а затем студентом университета, приезжал в Батищево на каникулы.

Известно, что в конце 1870-х — начале 1880-х годов в России создалась революционная ситуация. Михаил Энгельгардт, будучи студентом Петербургского университета, сблизился с революционной организацией «Народная воля», которая выдвинула лозунг свержения самодержавия. Исполнительный комитет «Народной воли» утвердил смертный приговор Александру II. 5 февраля 1880 года произошел взрыв в Зимнем дворце, подготовленный С. Халтуриным и А. Желябовым с целью убийства царя. Вскоре после этого жандармскому отделению стало известно, что в шинельной Петербургского университета, где обычно шли политические беседы, готовились сходки, действовали агитаторы, студент Михаил Энгельгардт вел «возмутительную беседу», говоря, что «дело еще впереди»³.

В университете тогда действовал кружок, организованный народовольцами Желябовым и Перовской. Члены его во время университетского акта 8 февраля 1881 года устроили политическую демонстрацию: проносились революционные речи, разбрасывались листовки, министру народного просвещения А. А. Сабурову было «нанесено оскорбление действием». В волнении принимал участие Михаил Энгельгардт. За это он был уволен из университета и на короткое время арестован.

Осенью и зимой 1880/81 года М. Энгельгардт вместе с другими студентами-членами «Народной воли» принимал активное участие в революционной пропаганде среди рабочих⁴.

После убийства народовольцами царя 1 марта 1881 года у М. Энгельгардта был произведен обыск и найдены книги К. Маркса, народовольческая литература, рукописи «тенденциозного» содержания. М. Энгельгардта вновь арестовали и привлекли к дознанию по делу о пропаганде среди петербургских рабочих. Знакомая А. Н. Энгельгардта П. А. Метелицына сообщала ему в Батищево в феврале 1882 года: «Я слышала о Михаиле Александровиче чрезвычайно неприятные и печальные вести...»⁵ Взволнованный Александр Николаевич тотчас выехал из Батищева и целый месяц провёл в Петербурге, очевидно, хлопоча за сына. В его дневнике есть запись: «30 марта 1882 года уехал в Петербург. Возвратился 30 апреля»⁶.

М. А. Энгельгардт был признан виновным в принадлежности к «преступному сообществу», распространении революционных изданий и пропаганде в рабочей среде. По высочайшему повелению от 12 мая 1882 года он был выслан на пять лет в имение отца село Батищево Дорогобужского уезда Смоленской губернии под гласный надзор полиции.

В дневнике А. Н. Энгельгардта есть такие записи: «21 мая 1882 г. Вечером уехал в Смоленск... 23 мая 1882 г. Вечером возвратился в Батищево с Мишей... 29 мая 1882 г. Приезжал становой и взял с Миши подписку в том, что ему прочитаны правила об отдаче под надзор и пр.»⁷

Так двадцатилетний М. А. Энгельгардт оказался в Батищеве вместе со своим отцом под надзором полиции. В переписке жандармерии есть любопытная характеристика его поведения:

«Ведет себя прилично своему званию, на месте никаких вредных лжеучений путем пропаганды не распространяет, сознания же в его заблуждениях не обнаружилось»⁸.

Полиция не ошибалась, когда писала, что Михаил Энгельгардт не обнаруживал сознания своих заблуждений. Отец и сын жили напряженной умственной жизнью. Александр Николаевич не только вел агрохимические занятия, но и писал «Письма из деревни», которые, конечно, обсуждались. В Батищеве и вокруг него трудилось немало интеллигентной молодежи, откликнувшейся на призыв создавать деревни-артели из интеллигентных людей, для того, чтобы своим примером

Батищево, Красный двор (крестиком отмечен дом, в котором жили, отбывая ссылку, А. Н. Энгельгардт и его сын Михаил).

показать всю выгоду ведения коллективного хозяйства. Среди нее находилось много лиц, политически неблагонадежных.

Обитатели Батищева были большими поклонниками Л. Н. Толстого. Младший сын Александра Николаевича Николай, как уже упоминалось, писал в «Историческом вестнике», что молодежь, приезжавшая к А. Н. Энгельгардту, «оказывалась в больше или меньшей степени затронутой идеями Толстого», что некий С. И. Васюков «привез рукописную «Исповедь» графа Л. Н. Толстого. Потом явился один из первых его последователей и в долгих беседах разъяснял моему отцу и батищевской молодежи... идеи Ясной Поляны... Все спорили без конца, как водится, и не могли ни на чем сойтись и объединиться. Конечно, отрицали все церкви, все ортодоксии, как не понимающие истинного «смысла жизни».

Запрещенная цензурой «Исповедь» Толстого глубоко взволновала М. А. Энгельгардта. Ему были близки антицерковные настроения великого писателя. Свое отрицательное отношение к официальной церкви он еще до знакомства с «Исповедью» высказал в статье, написанной по поводу работы В. С. Соловьева «О церкви и расколе». Статья была послана в газету «Русь», где

печатался труд Соловьева. Но редактор газеты И. С. Аксаков статью М. А. Энгельгардта не опубликовал. Тогда тот решил направить ее Л. Н. Толстому с просьбой прочитать и высказать мнение, что и было сделано 10 декабря 1882 года.

Мы не располагаем ни посланной Толстому статьей М. А. Энгельгардта, ни ответным письмом Льва Николаевича. Но известное представление об ответе писателя в Батищево дает следующее письмо М. А. Энгельгардта Толстому.

Письмо великого писателя очень обрадовало Михаила Александровича. «Оно придало мне новые силы,— писал он ему в конце декабря 1882 года,—убедило меня, что я не один в поле воин, и уничтожило последние сомнения в том, что я стою на верном пути». Толстой, видно, пригласил М. А. Энгельгардта в Москву для того, чтобы побеседовать с ним лично. В ответ на это Михаил Александрович с сожалением сообщал, что он в Батищеве отбывает ссылку и не имеет права «отлучаться даже в уездный город, не только в столицы».

Не имея возможности встретиться и побеседовать с Толстым, М. А. Энгельгардт подробно изложил волновавшие его вопросы в письме. К нему он приложил копию переписки с редактором «Руси», заметив при этом: «...в моих письмах (к И. С. Аксакову.— И. А.)— дальнейшее изложение моих мнений; я бы желал знать, как Вы отнесетесь к ним, и потому прилагаю их здесь».

3

Первый вопрос, с которым М. А. Энгельгардт обратился к Толстому, было отношение к официальной церкви.

Молодой революционер не скрывал собственного мнения по этому вопросу, называя учение православной церкви «гнусным, лживым, богохульным, страшно вредным», а русское духовенство — «профессорами лицемерия, адвокатами дьявола». По его убеждению, «ортодоксальная церковь всегда служила оплотом всякой мерзости...»

Отрицая ортодоксальную церковь и религию, М. А. Энгельгардт противопоставлял им истинное христианство

как нравственно-этическое учение. Это признание было весьма характерным для настроения некоторой части революционных народников. Известно, что один из главных организаторов «Народной воли» А. И. Желябов так ответил председателю суда на вопрос о вероисповедании: «Крещен в православии, но православие отрицаю, хотя сущность учения Иисуса Христа признаю. Эта сущность учения среди моих нравственных побуждений занимает почетное место. Я верю в истину и справедливость этого вероучения и торжественно признаю, что вера без дел мертва есть и что всякий истинный христианин и должен бороться за правду, за право угнетенных и слабых, и, если нужно, то за них и пострадать: такова моя вера»⁹.

Интересы угнетенных, и прежде всего крестьян, были близки и М. А. Энгельгардту. Положение деревни, земельный вопрос — вторая тема его письма Толстому. В нем он создал впечатляющую картину народных бедствий. «В настоящее время положение вещей, как известно, такое: масса крестьянства поставлена в самые тяжелые экономические условия: земли мало, податей много. <...> Постоянная нищета, вечная необходимость биться из-за куска хлеба...»

В отличие от народников 1870-х годов М. А. Энгельгардт видел социальное расслоение деревни. Не умея, однако, правильно объяснить это явление, по-народнически не понимая, что расслоение общины — это результат внутреннего развития крестьянства на основе товарно-денежных отношений, он верил, что в душе русский мужик — общинник, и искал способы воспрепятствовать развитию капитализма в деревне. Одним из них он считал «равномерное распределение земель», в результате которого положение в деревне решительно изменится: исчезнет основа для расслоения общины и «ум народный, естественно, натолкнется на мысль вести дело сообща».

Проповедник христианского учения и в то же время сторонник активной борьбы во имя общего блага, М. А. Энгельгардт неизбежно должен был встать перед вопросом: как следует относиться к главным положениям христианства о всеобщей любви, всепрощении и непротивлении злу насилем. Он считал, что христианские заповеди о любви к врагам и непротивлении церковь трактует ложно, «в смысле лакейского смирения

перед тиранией». По его мнению, «смирение христианское заключается в забвении своих личных дел перед общим делом...» Человек должен восставать, но не из личных обид, а за общее благо. Он должен смотреть на себя как на орудие освобождения несчастных и угнетенных. Этот вопрос, считал М. А. Энгельгардт, правильно трактовал Некрасов в легенде «О двух великих грешниках» из поэмы «Кому на Руси жить хорошо». Мстя за угнетение, а затем отмаливая свои грехи, некрасовский Кудеяр заботился лишь о себе. Убивая пана Глуховского, он защищал интересы угнетенных и страждущих. Такой акт насилия Михаил Александрович называл проявлением «святой ненависти к тирании и неправде», подвигом, избавившим мир от изверга. И этот подвиг спас Кудеяра. «Мне,— восклицал Энгельгардт,— просто органически противна всякая теория, которая допускает возможность остаться безучастным зрителем угнетения...» «Помогать угнетенным — обязанность христианина, хотя бы при этом пришлось употребить насилие... Я скорее откажусь от всего христианства, чем от этого своего мнения... Не знаю, как вы отнесетесь ко мне...»

4

Толстой, чувствуя себя в своих идейных исканиях глубоко одиноким, с трогательной открытостью обращался письмам человека, как ему показалось, близкого по духу. «Дорогой мой М<ихаил> А<лександрович>», — писал он Энгельгардту. — Пишу Вам «дорогой» не потому, что так пишут, а потому что со времени получения Вашего первого, а особенно второго письма, чувствую, что Вы мне очень близки, и я Вас очень люблю. В чувстве, которое я испытываю к Вам, есть много эгоистичного. Вы, верно, не думаете этого, но Вы не можете и представить себе, до какой степени я одинок, до какой степени, то, что есть настоящий «я», презираемо всеми окружающими меня». И далее Толстой обстоятельно отвечал на все затронутые Энгельгардтом вопросы. Он одобрял своего корреспондента за «любовь к правде и ненависть к злу и лжи», за стремление сделать каждый шаг жизни борьбой со злом. Но он не мог согласиться с мыслью Энгельгард-

та о возможности применения силы во имя всеобщего блага.

Письмо Льва Николаевича, с одной стороны, проникнуто резко критическим отношением к «существующему безобразному беспорядку, называемому порядком», к церкви, которая «гонит, душит разномыслие, благословляет побоища, казни». С другой стороны, оно содержит подробное изложение учения о непротавлении злу насилем. «Нельзя огнем тушить огонь, водой сушить воду, злом уничтожать зло», — писал Толстой. Насиле — «неразумно, как неразумно человеку, желающему добраться до воды родника, палкой пробивать ту землю, которая отделяет его от ключа».

Толстой в равной степени осуждает насиле власти, говоря, что «то ужасное зло, которое царствует теперь и давит нас», сложилось из миллиона маленьких насилей, и насиле революционеров. Смысл жизни он видит не в том, чтобы «насилем перестраивать общество», а в ненасильственном сопротивлении, в том, чтобы, не протавясь злу насилем, «переносить зло, не участвуя в нем», «рассеивая его добром и истиной», и в том, чтобы открывать людям «свет и радость» исполнения этих правил.

Письмо у Толстого получилось длинным, страстным, откровенным. С него была снята копия. В ней около тридцати авторских поправок — изменений, вставок, вычеркиваний. Писатель усиливает в письме тон интимной беседы, стремится к точности и убедительности мысли. Тщательность редакторской работы Толстого над письмом говорит о том, что он придавал ему большое значение. Но адресату оно не было отослано. Н. Н. Гусев позднее записал в дневнике: «Софья Андреевна вспомнила про письмо Энгельгардту. «Я, — сказала она, — положила его в конверт и написала: «Письмо к Энгельгардту, которого Лев Николаевич не только никогда не знал, но и не видал», а там пусть судят, как хотят. Я ужасно оскорбилась этим письмом»¹⁰. Софью Андреевну обидел тот доверительный тон, в котором Толстой писал Энгельгардту о своем одиночестве.

Почему Толстой, потратив на письмо М. А. Энгельгардту немало сил и времени, вложив в него частицу души и сердца, не отослал его адресату?

Н. Н. Гусев на этот вопрос отвечает так: «Нет сомнения, что причиной этого послужило то, что, излив на бумаге свою грусть, почти отчаяние, вызванное сознанием одиночества в семье, Толстой, успокоившись, скоро понял всю неуместность такого откровенного признания перед человеком, которого он знал только по его письмам и представлял себе очень молодым. Без сомнения, то же самое почувствовал он и относительно заключительной части своего письма, в которой он с такой болью сердечной рассказал о своем одиночестве не только в семье, но и во всем окружающем его обществе»¹¹. Н. Н. Гусев, конечно, прав. Начало письма и его конец, действительно, написаны так, как будто Толстой обращался к своему ближайшему другу. Они звучат как настоящий вопль отчаяния, естественно вырвавшийся из души писателя, тяжело страдающего от отсутствия взаимопонимания с родными, от сознания своего одиночества в целом обществе. Но ведь письмо нетрудно было исправить, вычеркнув исповедальные строки из его начала и конца. Однако Лев Николаевич этого не сделал, а предпочел письмо не посылать вовсе. Уж не ощущение ли противоречий в своих рассуждениях, зыбкости доводов сказалось в том, что, изложив в письме М. А. Энгельгардту свою непротивленческую теорию, он не отослал его адресату?

Вспомним, что А. М. Горький под впечатлением личного общения и бесед с Толстым писал: «Не думаю, чтобы Льва Толстого удовлетворяла та истина, которую он проповедовал людям»¹². И еще: «Он знает, что проповедь эта недостаточно убедительна, в его дневнике Вы — со временем — прочитаете хорошие образцы скептицизма, обращенного им на свою проповедь и личность»¹³. К. Н. Ломунов справедливо заметил: «Ни В. И. Ленину, ни Плеханову и ни Горькому — самым сильным критикам толстовского вероучения — не было и не могло быть известно то, как сам Толстой оценивал результаты своего тридцатилетнего проповедничества. Оценку эту мы находим в его дневниках и письмах, опубликованных лишь в недавние годы»¹⁴.

Обращение к дневнику Толстого и другим его записям убеждает в том, что писатель не был уверен в практической плодотворности своего учения. 29-го декабря

1906 года он записал в дневнике: «Как тщетны все убеждения о лучшем устройстве всякого рода политиков, социалист<ов>, революционеров, так тщетны и мои». А 13 февраля 1909 года в записной книжке сделана такая запись: «Главное же, в чем я ошибся, то, что любовь делает свое дело и теперь в России с казнями, виселицами и пр.» И еще одна запись в дневнике от 24 декабря 1909 года: «Видел во сне отрицание Бога и еще возражение на свое представление об общем лучшем устройстве жизни вследствие отказа от борьбы».

Тягостные сомнения Толстого в действенности своего учения могли сказаться и в том, что он не отослал М. А. Энгельгардту написанное в конце декабря 1882—начале января 1883 года письмо о непротивлении злу насиліем.

Интересна дальнейшая судьба письма Л. Н. Толстого М. А. Энгельгардту. Писатель показал его В. Г. Черткову и разрешил снять с него копию и поступать с нею, как ему будет угодно. Чертков гектографировал письмо и сообщил Льву Николаевичу о том, что «ответ Энгельгардту» пошел по миру». Вскоре он попал в число запрещенных статей Толстого, наряду с «Исповедью», «В чем моя вера?», «Так что же нам делать?», «Церковь и государство» и др.

В 1885 году «ответ Энгельгардту» под названием «Письмо к NN» был напечатан в Женеве издателем русских книг М. Элпидиным, а затем перепечатан в 75-м номере эмигрантского журнала «Общее дело» за 1885 год.

В 1911 году П. А. Сергеенко включил его в «Новый сборник писем Л. Н. Толстого». Но четырнадцать писем из него было изъято, и среди них письмо М. Энгельгардту. Полностью переписка Толстого с Михаилом Энгельгардтом была опубликована и прокомментирована в советское время.

6

Но все это было позднее. А тогда, в конце 1882—начале 1883 года, в Батищеве с нетерпением ждали письма из Москвы или Ясной Поляны. Вместо него писатель направил в Батищево М. С. Громеку, с которым

передал своему корреспонденту привет и рукописную копию неопубликованного сочинения «Краткое изложение Евангелия».

Энгельгардт-отец в дневнике 17 января 1883 года отметил: «Приехал Михаил Степанович Громека»¹⁵.

Михаил Александрович письмом от 24 января 1883 года поблагодарил Льва Николаевича за присланную рукопись и обещал ответить ему более подробно.

Почти одновременно с этим письмом Толстой получил письмо М. С. Громеки от 25 января 1883 года. В нем содержался «отчет» о поездке в Батищево.

М. С. Громека рассказывал Толстому, что, беседуя с М. А. Энгельгардтом, он в его взглядах заметил «противоречие между христианством и насилием революции». Революционность молодого человека произвела отрицательное впечатление на М. С. Громеку. Хотя он старался быть объективным и отметил искреннее сочувствие Михаила Александровича угнетенным и несчастным, его нравственный авторитет у крестьян, он не скрывал своего раздражения. Главное место в рассказе о батищевцах уделялось тому, что могло охладить интерес писателя к ним, — якобы свойственным Михаилу Александровичу «гордыне веры в совершенное знание истины», «тупости понимания чужих точек зрения», неприятным подробностям быта батищевцев, и, главное, революционным «фантазиям» Энгельгардтов. «Все они полагают, что революция неизбежна, что она будет произведена народом...» Громека не скрыл в письме своего отрицательного отношения к «революции свихнувшихся барчуков», в которую «они толкают народ, как-то веря, что он будет этими фантазиями заниматься».

Как воспринял Толстой это письмо? Оно, конечно, убедило писателя в том, что он поспешил признать мало известного ему корреспондента из Батищева полным единомышленником. «Письмо ваше, — писал он своему доверенному, — мне все объяснило об Энгельгардте. Ужасно было больно...» Но и политическая реакционность Громеки, его раздражение по поводу революционных исканий Энгельгардтов были Толстому чужды. Не случайно это письмо заставило Льва Николаевича усомниться в своей духовной близости с его автором. «Я часто боюсь, что и с вами мы далеки», — писал он в ответе Громеке, задумываясь о том, что они с ним «не врозь».

только еще потому, что... не дошли до перекрестков».

К революционным исканиям молодежи Толстой относился терпимее, мудрее, чем такие его современники, как М. С. Громека, или например, Н. Н. Страхов. Вспомним, что писал Толстой Страхову по поводу его «Писем о нигилизме», направленных против революционеров-народовольцев. «По Вашим исследованиям, оказывается, что даже когда они жертвуют своею жизнью для духовной цели, они делают не добро, но действуют по какому-то психологическим законам бессознательно и дурно. Я не могу разделять этого взгляда и считаю его дурным. Человек всегда хорош, и если он делает дурно, то надо искать источник зла в соблазнах, вовлекавших его в зло, а не в дурных свойствах гордости, невежества. И для того чтобы указать соблазны, вовлекшие революционеров в убийство, нечего далеко ходить. Переполненная Сибирь, тюрьмы, войны, виселицы, нищета народа, кощунство, жадность и жестокость властей — не отговорки, а настоящий источник соблазна». Не принимая революционного пути изменения общественного строя, считая его дурным, проявлением зла, Толстой понимал социальную обусловленность того, что люди становятся на этот путь. При существующем положении вещей, революция, считал Лев Николаевич, неизбежна. Осуждение Громекой М. А. Энгельгардта за «революционный фанатизм» Толстому не понравилось.

М. А. Энгельгардт, изучив присланный труд Толстого, возвратил его автору вместе с большим письмом от 19 марта 1883 года. В нем он вновь ставил вопрос о путях осуществления христианского учения на практике. Его не удовлетворяли суждения на этот счет М. С. Громеки, который «утверждал, что достаточно, чтобы каждый добросовестно исполнял обязанности, которые возлагала на него судьба». «Удивляюсь на таких людей, — писал Михаил Александрович Толстому, — разведут в чашке, а выйдет в ложечке; начнут с критики всех систем и кончат плоско-буржуазной моралью». Общий пафос этого письма полемический. М. А. Энгельгардт писал: «Относительно одного пункта Вашего учения я не могу согласиться с Вами. Этот пункт: не борись со злом. По моему мнению, бороться со злом нужно и должно». Толстой, конечно, мог ответить ему, разъяснить, что «не противиться злу насилем» не значит «не противиться злу, а значит не противиться злу насилем», как он это

сделал в письме В. М. Грибовскому в июне 1885 года. Но считая всякую личную полемику неэтичной, вызывающей эмоции озлобления и ожесточения, Лев Николаевич на это письмо М. Энгельгардта не ответил. Так, весной 1883 года прекратилась возникшая в конце 1882 года переписка Толстого с молодым народовольцем, сосланным на Смоленщину. Но интерес их друг к другу не погас. В 1887 году с Михаила Александровича был снят гласный надзор полиции и заменен негласным с запрещением жить в столицах. А вскоре был снят и он.

Получив разрешение жить в Петербурге, М. А. Энгельгардт сотрудничает в научно-популярной библиотеке Ф. Павленкова, выпускает ряд биографических очерков, посвященных великим естествоиспытателям — Дарвину, Лавуазье, Кювье и др. Вскоре проявляется незаурядный публицистический талант Михаила Александровича. С. Венгеров отмечает у него «большие и разнообразные знания, огромную трудоспособность, острый стиль»¹⁶. Книга М. А. Энгельгардта «Прогресс как эволюция жестокости», изданная в 1899 году, привлекла внимание Толстого. В ней Михаил Александрович на большом материале по истории цивилизации, широко используя художественную литературу, показывает, что буржуазный прогресс вел к росту жестокости и аморальности. И хотя во введении к книге он решительно отмежевывается от Толстого, подчеркивая, что не сочувствует теориям опрощения, Льву Николаевичу работа понравилась. Прочитав ее, он записал в дневнике: «Я думаю, что тут есть большая доля правды».

Резко критическое отношение к государственным, социальным, экономическим, церковным устоям буржуазного строя, к буржуазной морали и нравственности сближало великого писателя с народовольцем М. Энгельгардтом.

«МОЙ СЕРДЕЧНЫЙ ПРИВЕТ ВЕЛИКОМУ БОРЦУ...»

(Л. Н. Толстой и Д. Н. Жбанков)

1

Однажды работники Отдела рукописей Государственного музея Л. Н. Толстого положили перед нами папку с письмами Толстому из Смоленска от Дмитрия Николаевича Жбанкова. Обращаемся к Полному собранию сочинений Толстого и находим адресованные в Смоленск ответы писателя на некоторые из этих писем. Устанавливается еще один факт переписки писателя со смоленским корреспондентом.

И опять, прежде чем ее изучать, задаемся вопросом: кто тот человек, который получал в Смоленске письма Толстого? Мы, конечно, знаем, что Дмитрий Николаевич Жбанков является автором двухтомного труда «Санитарное исследование фабрик и заводов Смоленской губернии». Известно нам и то, что труды Жбанкова привлекали внимание В. И. Ленина. Но хочется знать больше, чтобы полнее представить корреспондента Льва Николаевича. Не сохранился ли архив Д. Н. Жбанкова? Оказывается, благодаря заботам В. Д. Бонч-Бруевича, сохранился и в настоящее время находится в Центральном Государственном архиве литературы и искусства СССР.

Архив помог представить богатую, интересную и поучительную жизнь человека, который переписывался с Толстым и, как было установлено, встречался с ним лично.

2

О своем происхождении Дмитрий Николаевич с горькой иронией писал, что он родился «по всем естественным законам природы, но по мудрым человеческим законам был признан незаконнорожденным». Он был

сыном нижегородского помещика Н. В. Медовщикова и дворовой О. Г. Жбанковой. Когда мальчик подрос, бабушка, помещица, хотела отдать его в сапожники, но внук отличался незаурядной любознательностью, и его стали готовить к поступлению в гимназию.

Учился Жбанков в Нижнем Новгороде. Здесь проявилась его страсть к чтению. С третьего класса гимназии он стал ходить после уроков в общественную библиотеку и просиживал над книгами до ее закрытия. Незгладимый след в душе мальчика оставил учитель Илья Николаевич Ульянов, отец В. И. Ленина. Он приглашал гимназиста Жбанкова к себе домой, помогал ему в учебе. Дмитрий Николаевич на всю жизнь сохранил к своему наставнику теплые чувства и благодарность за доброе отношение.

После окончания гимназии, скопив небольшую сумму денег уроками, Жбанков едет в Петербург и поступает сначала на юридический факультет университета, а затем — в Медико-хирургическую академию. Он пришел в студенческую аудиторию, вспоминал его однокурсник врач М. Ф. Волков, в длинной белой косоворотке навыпуск, вышитой красными широкими каймами по-малороссийски. На нем было длинное легкое осеннее пальто ненарядного покроя, сапоги с длинными голенищами, за которые заправлены брюки, на длинном шнурке, привязанном к пуговице пальто, висело пенсне, в руках — толстая палка. Своим одеянием, отличавшимся от одежды всех остальных товарищей, юноша как бы умышленно подчеркивал свой демократизм и пренебрежение к тому, что считалось обязательным для культурной публики, посещающей и пребывающей в публичных собраниях, — к крахмальным воротничкам, галстукам... Это стремление к простонародности в одежде Д. Н. Жбанков пронес через всю жизнь. М. Гран, лично знавший Д. Н. Жбанкова, рассказывал, что он даже в Париж на международную выставку поехал в косоворотке. В ней был и на приеме у президента французской республики и на торжественных открытиях Пироговских съездов врачей.

В академии Жбанков слушал лекции Д. И. Менделеева, С. П. Боткина, встречался с П. Ф. Лесгафтом, И. П. Павловым, Н. И. Кибальчицем, читал В. Г. Белинского, Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова, Д. И. Писарева, нелегальные издания по социальному

вопросу. В студенческие годы Жбанков испытал влияние народнических идей. Он мечтал о бескорыстном служении деревенскому люду, о выполнении долга перед народом.

По окончании академии Жбанков около десяти лет работал земским врачом в Рязанской и Костромской губерниях, а затем три года в Пироговском обществе русских врачей в Москве. Здесь он познакомился и подружился с молодым врачом-марксистом С. И. Мишкевичем, который впоследствии с большим уважением рассказал о нем в своих книгах.

3

Двенадцать лет, с 1892 по 1904 год, прожил Д. Н. Жбанков в Смоленске, возглавляя медико-статистическое бюро губернской земской управы.

Занимая эту скромную должность, которая, казалось, требовала от человека не больше, как точности и добросовестности статистика, Дмитрий Николаевич развернул в городе многогранную научную и общественную деятельность. Активности, широте интересов Д. Н. Жбанкова нельзя не удивляться. Он организовал изучение заболеваемости населения и состояния врачебного дела на Смоленщине, боролся за увеличение числа участков, больниц, врачей, за полную бесплатность медицинского обслуживания, собирал сведения о числе душевнобольных и оказывал им помощь. Проводил противоэпидемические мероприятия, для чего изучал, как проходили в губернии холерные эпидемии в прошлом, исследовал вопросы распространения венерических заболеваний, заражения чахоткой, борьбы с проказой. Заботился Дмитрий Николаевич об организации в уездах прививок против оспы, о снабжении врачей медикаментами, которые подчас приходилось выписывать из-за границы. Его интересовали санитарные условия работы в отхожих промыслах и их влияние на движение населения.

Бурное развитие капитализма в стране поставило перед Жбанковым проблему положения рабочих на фабриках и заводах Смоленской губернии. Со свойственной ему энергией и неутомимостью он изучал условия труда и быта рабочих. Он лично обследовал 112 предприятий Смоленщины и провел медицинский осмотр

7445 рабочих¹. Результаты этого изучения были изложены в книге «Санитарное исследование фабрик и заводов Смоленской губернии». Кроме того, Жбанков добился издания обязательных санитарных постановлений для фабрик и заводов, надзор за выполнением которых был возложен на медико-статистическое бюро.

Все исследования велись Жбанковым весьма серьезно. Результаты их докладывались на губернских, пироговских и даже международных съездах врачей и постоянно публиковались в печати в Смоленске, Москве, Петербурге и за границей. По приблизительным подсчетам за смоленский период жизни Д. Н. Жбанков опубликовал более 115 статей и книг. Полную библиографию его работ еще предстоит составить. Многие из трудов Дмитрия Николаевича, созданных в Смоленске, вошли в число значительнейших дореволюционных социологических исследований.

Этого человека отличала огромная общественная активность, неутомимость в начинаниях и делах. По его инициативе собирались средства и строились больницы, открывались бесплатные амбулатории, детские ясли, приюты для детей и неизлечимых больных. Он заботился о развитии народного образования, о медицинском просвещении населения, создавал общества врачей и учителей, устраивал лекции, чтения, вечера с выступлениями знаменитых писателей. Немало сил и энергии отдал борьбе против телесных наказаний, смертной казни, а также организации помощи голодающим и многим другим делам.

Д. Н. Жбанков не имел четких политических взглядов, но он был убежденным демократом. В. И. Ленин назвал его «сочувствующим народничеству»².

Его просветительская деятельность, подчеркнутый демократизм вызывали у членов Смоленской губернской земской управы настороженное отношение. Многим не нравилось, что Жбанков игнорировал церковь и царские дни, не делал визитов начальству, что его квартира была местом собраний и вечеринок демократической интеллигенции. За Дмитрием Николаевичем в Смоленске был установлен негласный надзор. Это привело к тому, что в 1902 году он вынужден был оставить службу в Смоленской земской управе. Общественная же его деятельность в Смоленске продолжалась еще около двух лет.

После отъезда из Смоленска Жбанков служит в Москве в Обществе русских врачей в память Н. И. Пирогова, как всегда ведет активную общественную работу, выступает в печати. Его статьи приобретают все более и более острый политический характер. Он становится во главе Комитета общественной помощи голодающим, с возмущением пишет о разгроме правительством общественных организаций, о преследованиях, которым подвергаются работники комитета. В августе 1908 года Дмитрия Николаевича арестовывают и весной 1909 года высылают на два года в Нижний Новгород под гласный надзор полиции без права въезда в столицу.

Ссылка не сломила убежденного демократа. Возвратившись в Москву, он с прежней энергией погружается в научную и общественную деятельность: вновь выступает против телесных наказаний, требует прекращения произвола и самовластия царской администрации, участия народа в управлении страной, полного равноправия всех граждан, создания школы, доступной всему населению, коренной социально-экономической реформы.

Д. Н. Жбанков с воодушевлением встретил Февральскую революцию. Он писал: «Рухнул без остатка старый строй в его внешних формах и проявлениях и начинается обновление страны. Я верю в скорое осуществление в перестраивающейся России и моей... мечты, построенной на социалистических и демократических началах, к которым неизбежно будет стремиться вся наша жизнь и которые, вероятно, выразятся прежде всего обобществлением земли»³.

События, происходившие в октябре 1917 года, Жбанков воспринял с осуждением. Он поставил свою подпись под резолюцией, принятой правлением Пироговского общества 22 ноября 1917 года, в которой давалась резко отрицательная характеристика диктатуры пролетариата и содержался призыв, обращенный к медицинским работникам, «проявить противодействие разрушающим страну силам».

И все же врагом революции и Советской власти Жбанков не стал. В момент становления в России нового строя он не покинул родины и вскоре понял, что Октябрьская революция победила потому, что в ней уча-

ставляли самые широкие народные массы, что исторические задачи, которые она разрешила, отражали кровные интересы рабочего класса и многомиллионного крестьянства. Дмитрий Николаевич называет революцию великой и подчеркивает, что главное ее завоевание состоит в уничтожении социального неравенства. «Не будет вани, палашек, царей, князей», — пишет он, перифразируя слова из знаменитого Письма Белинского к Гоголю⁴.

В советское время Д. Н. Жбанков по-прежнему много пишет. В октябре 1922 года Комиссия по улучшению быта ученых врачей при Наркомздраве включает его в число научных работников и назначает дополнительное денежное обеспечение⁵, а с января 1925 года он начинает получать персональную пенсию⁶.

В день своего 75-летия Д. Н. Жбанков получил приветствия от своих многочисленных друзей: от врача-коммуниста С. И. Мицкевича, советского писателя В. В. Вересаева, от нижегородских врачей и врачей из Наркомздрава. С. И. Мицкевич отмечал, что Жбанков «сыграл значительную роль в русской общественной жизни за последние 30—35 лет перед революцией», и писал о нем: «Старый народник-семидесятник, глубоко преданный идее служения народу так, как он это понимал, он всю жизнь, всего себя без остатка отдавал на служение народу, в которое он верил. Обаятельный в личных отношениях, он умел сплачивать вокруг себя людей, которые хотели работать во имя блага трудящихся, но он же умел горячо бороться с противниками и врагами своих заветных идеалов»⁷.

До конца дней своих, несмотря на старость и болезнь, Дмитрий Николаевич не прекращал научной работы и общественной деятельности.

5

Д. Н. Жбанков был связан личным знакомством и перепиской со многими писателями — А. П. Чеховым, В. В. Вересаевым, В. Н. Фигнер, В. Г. Короленко, А. М. Горьким, А. С. Серафимовичем, Л. Н. Андреевым, и другими. Но особенно дорог и близок ему был Л. Н. Толстой. Он видел в нем одного из «наиболее могучих борцов и протестантов»⁸.

Начало переписки Д. Н. Жбанкова с Л. Н. Толстым

относится ко времени его службы в Смоленске. Мы не располагаем первым его письмом и ответом на него Льва Николаевича. Но из следующего письма Жбанкова от 30 марта 1898 года видно, что ответ Толстого был быстрым и любезным. Поблагодарив писателя, Дмитрий Николаевич взволнованно пишет ему о применении в России телесных наказаний⁹.

Незадолго до этого Д. Н. Жбанков ездил в Киев на VI Пироговский съезд врачей. Там в секции общественной медицины при обсуждении доклада о распространении гигиенических знаний в народе Дмитрий Николаевич произнес речь, в которой заявил, что «нельзя говорить о просвещении народа при существовании закона, уничтожающего всякое человеческое достоинство в крестьянине и позволяющего безнаказно бить всех, и старого и малого, из 70-миллионного крестьянства». За этим последовала серия его выступлений в печати.

В своих обличительных статьях и книгах, направленных против телесных наказаний, Жбанков стремился использовать мнение известных и авторитетных деятелей русской культуры, обращался к ним с просьбами высказаться по этому животрепещущему вопросу русской жизни. Л. Н. Толстому он писал: «В последнее время по поручению Пироговского съезда врачей я занимаюсь вопросом о телесных наказаниях (VI съезд в Киеве постановил, по моему предложению, ходатайствовать об отмене этого позорного наказания)... Я думаю собрать и напечатать **подлинные отзывы русских знаменитых людей** (подчеркнуто автором.— И. А.) о порке. (Ваше мнение уже выражено в подробной статье «Стыдно», и я этой статьей пользуюсь в издании общих материалов). Поэтому обращаюсь к Вам с убедительной просьбой не отказать прислать мне Ваше мнение, хотя бы **самое краткое**, которое я мог бы целиком напечатать вместе с отзывами других известных людей самых различных специальностей, к которым я обращаюсь с подобной же просьбой. Надеюсь, что Вы в интересах хорошего общего дела и близкого крестьянству не откажете в Вашем мощном слове!» Затем, посылая Льву Николаевичу свою статью о телесных наказаниях из газеты «Врач», Жбанков вновь повторил просьбу прислать несколько слов о «розгах — этом русском позоре». «Дело в том, — писал он, — что я думаю постоянно напоминать о телесном наказании русскому обществу...»

Л. Н. Толстой ответил на это письмо Жбанкову в Смоленск 30 сентября 1898 года: «Простите, пожалуйста, Д<митрий> Н<иколаевич> за то, что так долго не отвечал вам. Само собой разумеется, что я всей душой сочувствую Вашему изданию. По вопросу же, Вас занимающему, не могу ничего иного сказать, кроме повторения того, что писал в статье об этом. Прибавить к этому я бы мог только нецензурные выражения негодования и отвращения к тем высшим властям, от кот<орых> зависит и кот<орые> не хотят в своей закоснелости удовлетворить духовные требования всех неозверевших русских людей нашего времени».

В своих работах о телесных наказаниях Д. Н. Жбанков неоднократно цитировал статью Льва Николаевича «Стыдно». Так, например, заканчивая очерк «Телесные наказания в России накануне XX века», в котором он напоминал обществу о том, что и в новом веке продолжает еще существовать «позорное телесное наказание для массы русского населения», Дмитрий Николаевич писал: «Мы должны всеми силами и всем нашим влиянием бороться за неотложное и полное прекращение всех телесных наказаний в России. Нужно чаще самим вспоминать и другим напоминать прекрасные и глубоко верные слова Л. Н. Толстого: «Дела эти (телесные наказания), когда им придан вид законности, позорят всех нас, живущих в том государстве, в котором дела эти совершаются. Ведь, если сечение крестьян закон, то закон этот сделан и для меня, для обеспечения моего спокойствия и блага. А этого нельзя допустить. Надо, не переставая, кричать, вопить о том, что такое применение дикого, переставшего уже употребляться для детей наказания, к одному лучшему словию русских людей есть позор для всех тех, кто прямо или косвенно участвует в нем». «Прекрасные и глубоко верные слова» Толстого органично входят в текст очерка Жбанкова, придавая ему большую обличительную силу. Прочитывая статью Толстого «Стыдно», Жбанков как бы подхватывает мысль писателя и в его духе и стиле заключает: «Пора нам избавиться от этого позора!»¹⁰

Не меньше сил и энергии, чем борьбе против применения телесных наказаний, Д. Н. Жбанков отдал другой заботе — помощи голодающим.

На VII Пироговском съезде в Казани в 1899 году, когда все Поволжье было охвачено страшным голодом, Жбанков предложил организовать помощь голодающим, а также потребовать от правительства «принять безотлагательные меры для всестороннего исследования страшного русского врага и приведения в полную известность всех причин хронического голодания населения». Предложение имело результат: в Казани был открыт комитет помощи голодающим.

В Смоленске Д. Н. Жбанков явился вдохновителем сбора средств для голодных губерний. Собранные деньги он отправлял в комитет, а часть — Л. Н. и С. А. Толстым. Так, в письме Л. Н. Толстому от 30 марта 1898 года Дмитрий Николаевич писал: «На днях через доктора Станиславского послал Софии Андреевне второй взнос для голодающих; сбор превзошел наши ожидания, так что мы нашли возможным уделить из собранных средств и для Воронежской губернии». 15 января 1899 года Д. Н. Жбанков вновь шлет перевод Толстому. В письме он пишет: «Глубокоуважаемый Лев Николаевич! В этом году сбор для голодающих, который производится в нашем кружке, посылается в Уфимскую губернию, а Вам я послал вчера 40 руб. 55 коп., собранные мною случайно в трех местах: при встрече нового года 10 р. 55 к., среди сельских учителей 4 р. и на съезде витебских врачей 26 руб. Располагайте ими, пожалуйста, по Вашему усмотрению».

На это письмо Л. Н. Толстой отвечал 23 января 1899 года: «Присланные Вами деньги 40 р. 50 к. с благодарностью получил и постараюсь употребить их как можно производительнее». Тогда же Лев Николаевич послал в редакцию «Русских ведомостей» дополнение к отчету о полученных пожертвованиях для пострадавших от неурожая, в котором упомянул и о деньгах, присланных из Смоленска Жбанковым. В марте 1900 года Дмитрий Николаевич переводит Толстому 30 рублей «от кружка учительниц Смоленской воскресной школы в пользу голодающих...»

Позднее, в 1905 году, Д. Н. Жбанков, будучи председателем Московского комитета общественной помощи голодающим, послал Л. Н. Толстому воззвание комитета и при этом просил оказать ему содействие: «Не откажите в Вашей помощи доброму начинанию комитета: Ваше содействие, Ваш мощный голос могут собрать

много средств. Ваше содействие, как я думаю, могло бы выразиться в двух направлениях: в виде выражения Вашего сочувствия этому делу присылкой письма комитету и пожертвованием комитету для издания какого-либо не-изданного произведения. Изданное комитетом, оно разо-шлось бы в огромном количестве и даже при малых размерах и небольшой цене дало бы большой сбор. Еще раз прошу Вас, не откажите в Вашем содействии в ука-занной форме или в какой Вы сами найдете больше подходящим. С нетерпением буду ждать Вашего доб-рого ответа по указанному адресу. Мой сердечный при-вет Великому Борцу. Немного известный Вам врач Д. Жбанков».

В начале 1900 года Д. Н. Жбанков, возглавлявший смоленское Общество взаимопомощи учащим и учив-шим, вынашивал идею издания литературного сборника, который бы дал средства на постройку в Смоленске об-щежития для детей сельских учителей, получающих об-разование в городе. Дмитрий Николаевич хотел, чтобы в этот сборник вошли произведения А. П. Чехова, А. М. Горького, Л. Н. Толстого.

Весной 1900 года Д. Н. Жбанков ездил из Смолен-ска в Москву, чтобы лично побеседовать с Толстым. Лев Николаевич одобрил затею Жбанкова и тогда же пометил в записной книжке: «В сборник в Смолен-ск<ое> общ<ество>». Дмитрий Николаевич 14 ап-реля 1900 года докладывал на собрании членов учи-тельского Общества взаимопомощи о том, что «граф Л. Н. Толстой, к которому он с просьбой обращался лично, сочувственно отнесся к мысли общества и обе-щал прислать для сборника произведение»¹¹. Однако выполнить своего намерения писатель не смог и на пов-торные просьбы Жбанкова ответил письмом, в котором извинился за неисполнение обещания. «Простите, что не исполняю просьбы о сборнике. Это совершенно не-возможно. И я истинно сожалею об этом, п<отому> ч<то>, уважая Вас, желал бы сделать Вам прият-ное», — писал Л. Н. Толстой Жбанкову 1 апреля 1903 года.

В беседе с Дмитрием Николаевичем при встрече весной 1900 года Толстой проявил интерес к положению фабричных рабочих в Смоленском крае. В ответ

на это Жбанков послал Льву Николаевичу свой долго-
томный труд «Санитарное исследование фабрик и за-
водов Смоленской губернии». 12 января 1901 года
Д. Н. Жбанков писал Толстому: «Глубокоуважаемый
Лев Николаевич! Прежде всего с Новым годом в Но-
вом веке; примите мое искреннее пожелание, чтобы
Ваш могучий протест еще много лет раздавался в Но-
вом веке и будил сонных и погрязших в мишурных и
ложных личных интересах... Я до сих пор с искренним
удовольствием вспоминаю о тех нескольких минутах,
которые я провел у Вас в прошлом году. Вы интересо-
вались положением фабричных рабочих в Смоленской
губернии, и я Вам тогда же выслал мое описание Смо-
ленских фабрик и заводов. Получили ли Вы эти кни-
ги?» Толстой их получил.

Д. Н. Жбанков послал Л. Н. Толстому и другую
свою книгу — «О врачах», написанную по поводу «Запи-
сок врача» В. Вересаева и вышедшую отдельным из-
данием в 1903 году. Известно, что В. Вересаев в
«Записках врача» рассказал о волновавших его недо-
статках, имевших место в то время в медицине и вра-
чебном деле. Он упрекал своих коллег по профессии в
том, что они сплошь и рядом нарушают долг врача: де-
лают опыты над здоровыми и больными людьми, при-
меняют тайные средства лечения, занимаются частной
практикой и т. п. Тотчас по выходе в свет «Записок
врача» вокруг имени Вересаева возник целый скандал.
Он обвинялся в клевете, его называли неучем, а соз-
данный им образ врача был объявлен патологическим
и извращенным. Однако скоро выяснилось, что этому
мнению реакционно настроенных врачей противостояло
мнение передовой части русской интеллигенции, от име-
ни которой с подробным разбором книги Вересаева и
выступил Д. Н. Жбанков. Посылая свою книгу Толсто-
му, он писал: «Дорогой Учитель! В знак глубокой бла-
годарности за Ваш могучий протест посылаю Вам свое
кропотье — книгу «О врачах». Конечно, я не могу рас-
считывать на то, чтобы у Вас хватило времени прочи-
тать всю книжку, но я был бы глубоко обрадован, если
бы Вы черкнули мне пару строк о второй части книж-
ки, где говорится о ненормальных отношениях — денеж-
ных расчетах между врачами и больными. Это общее
зло в отношении всей «свободной» интеллигенции и ос-

тального общества. От души желаю Вам как можно больше здоровья, сил и жизни ради пользы всего мира». На это письмо Л. Н. Толстой отвечал Жбанкову: «Благодарю Вас за присылку книги. Не имел еще времени прочесть ее, но непременно прочту, поэтому <то> уверен, что в ней много хорошего». В библиотеке Толстого есть книга Д. Н. Жбанкова «О врачах».

В марте 1910 года Л. Н. Толстой начал писать статью о самоубийствах, явлении, чрезвычайно распространенном в русском обществе в период реакции, последовавшей за революцией 1905 года. Об этом он беседовал с посетившим его в марте 1910 года чешским профессором, позднее президентом Чехословацкой республики, Масариком, автором книги «Самоубийство как массовое социальное явление современной цивилизации». В апреле Толстой получил от Масарика его книгу, а в мае — список литературы по этому вопросу. В нем между прочим значилась «обширная статья, напечатанная в «Современном мире», № 3».

Обратившись к указанному журналу, Лев Николаевич нашел в нем статью Жбанкова «Современные самоубийства». Он с ней был уже знаком. 21 апреля в дневнике записал: «Вчера читал о самоубийствах. Очень сильное впечатление». Из записок Д. П. Маковицкого видно, что эта запись относится к статье Д. Н. Жбанкова. 22 апреля Д. П. Маковицкий воспроизводит послеобеденный разговор Толстого с гостившим тогда в Ясной Поляне Леонидом Андреевым. «Л. Н. принес новую книжку «Современного мира», там статья Д. Жбанкова о самоубийствах.

— Прекрасно это изложено. Прочитаю, что отчеркнул. — И Л. Н. читал цитаты из писем самоубийц.

— Каждая записочка — целая драма. Очень хорошо составлено.

Андреев:

— Жбанков, доктор в Смоленске, пожилой, очень отзывчивый и серьезный человек. Ездил на голод. Каждый год несколько времени сидит в тюрьме¹². Об этой беседе Л. Н. Андреев рассказал корреспонденту газеты «Утро России» и позднее в своих воспоминаниях о Толстом. «Вот вечерний чай, — писал он. — Лев Николаевич читает вслух, волнуясь, статью Жбанкова о самоубий-

ствах»¹³. Коротко, но выразительно высказывался Лев Николаевич о труде Д. Н. Жбанкова: «очень сильное впечатление», «прекрасно... изложено», «очень хорошо составлено». То, что Толстой, читая, отчеркивал в статье отдельные места, чувствуя потребность прочитать их другим, то, что он читал их волнуясь, — все это красноречиво свидетельствует о высокой оценке писателем труда Д. Н. Жбанкова. Чтение этой работы, несомненно, сыграло определенную роль в обдумывании Львом Николаевичем статьи «О безумии».

После смерти Толстого Дмитрий Николаевич переписывался с его друзьями и последователями В. Г. Чертковым, И. И. Горбуновым-Посадовым, был связан с «Вегетарианским обществом», где дважды выступал с докладом «Опорожнение жизни». Общество планировало устроить торжественное чествование Жбанкова в день его 75-летия, но он от этого решительно отказался.

Отношения Л. Н. Толстого и Д. Н. Жбанкова — еще один из ярких фактов, свидетельствующих об огромном нравственном авторитете великого писателя и о влиянии его прогрессивных идей на демократическую интеллигенцию второй половины XIX — начала XX века. Прогрессивные, обличительные идеи великого писателя помогали ей бороться с социальной несправедливостью.

«С ЧУВСТВОМ ГЛУБОКОГО УВАЖЕНИЯ...»

(Корреспондентка Л. Н. Толстого Е. П. Туржанская)

1

В марте 1910 года Л. Н. Толстой получил из Смоленска три номера детского журнала «Родная Русь» и письмо издательницы журнала Евгении Павловны Туржанской. В письме говорилось: «С особенным удовольствием присылаю Вам, Лев Николаевич, три вышедших в свет номера журнала «Родная Русь» в надежде, что Вы не откажете просмотреть новый журнал и высказать о нем мне как редактору-издательнице столь ценное для меня Ваше мнение, за которое была бы весьма признательна и благодарна. Ваши указания на недочеты моего издания и погрешности я с живейшим интересом выслушаю и приму к сведению, как великого учителя земли русской и знатока человеческой души»¹.

Цель своего журнала издательница видела в том, чтобы «воспитывать нравственно молодое поколение». Евгения Павловна сообщала Льву Николаевичу, что сотрудники ее журнала работают безвозмездно, а доход от издания идет на материальную помощь детям нуждающихся почтово-телеграфных служащих. Письмо заканчивалось словами, полными доброго чувства к писателю: «Пользуясь случаем, приношу Вам свое глубокое уважение и пожелание здоровья еще на многие годы».

Ответ не заставил долго ждать. В письме от 7 марта 1910 года Л. Н. Толстой писал из Ясной Поляны в Смоленск: «Благодарю Вас, Евгения Павловна, за присылку журнала. Непременно пересмотрю и постараюсь высказать свое мнение, как Вы желаете, искренно. Цель Ваша мне очень сочувственна».

Е. П. Туржанская была известной в свое время писательницей. О ее жизни рассказал нам ее сын генерал-майор в отставке Александр Александрович Туржанский.

Евгения Павловна родилась в 1869 году в Москве в обедневшей дворянской семье. В Смоленск она приехала в начале 1900-х годов вместе с мужем А. А. Туржанским, получившим должность помощника начальника Смоленского почтово-телеграфного округа.

Здесь вокруг Евгении Павловны сплотился кружок любителей литературы и театра. Его члены устраивали самодеятельные вечера в зале благородного собрания, купеческом клубе и народном доме с чтением стихов, живыми картинами и спектаклями, пьесы для которых писала сама Евгения Павловна. Вечера проводились с благотворительными целями, сборы от них шли пленным портартурцам, погорельцам Сызрани, на уплату за обучение детей из бедных семей. Начальство А. А. Туржанского было недовольно, что его фамилия «треплет» на афишах по заборам». Тогда Евгения Павловна Туржанская взяла себе псевдоним, придуманный на французский манер, — Евгения де Турже-Туржанская.

С 1902 года начинается ее литературно-публицистическая деятельность.

Преклоняясь перед Толстым, Туржанская именно его выбрала в судьи своего первого опубликованного очерка «Женский вопрос в связи с новым законом «о незаконнорожденных». Посылая брошюру Толстому, она писала: «Многоуважаемый граф Лев Николаевич! С чувством глубокого к Вам уважения решаюсь предложить Вам свой первый литературный труд, который, правда, нахожу довольно слабым и извиняю это тем, что все, что мною написано в брошюре «Женский вопрос», мною действительно пережито и искренне...» Евгения Павловна просила Толстого «хотя в нескольких строках» высказать свое мнение о ее очерке. Письмо заканчивалось пожеланием: «Будьте же здоровы, многоуважаемый Лев Николаевич, еще на многие и долгие годы, и своими литературными трудами продолжайте составлять радость и гордость нашей России». Ответа на это письмо Туржанская не получила. Но литературных занятий не оставила. В 1902—1910 годах ее сочинения регулярно печатались в Смоленске и Москве.

Творчество Туржанской разнообразно и в тематическом, и в жанровом отношении. Ей принадлежат публицистические статьи по народному образованию и

женскому вопросу. Ратуя за просвещение народа, она ссылалась на слова Достоевского: «В усиленном, в скорейшем развитии образования вся наша будущность, вся наша самостоятельность, вся сила»².

Туржанская боролась за всестороннее женское образование, считая, что женщина может быть не только врачом и учительницей, что она должна встать наравне с мужчиной и в семейных, и в общественных делах. Она выступала против эксплуатации домашней прислуги³, писала об учащейся молодежи и ее революционных настроениях⁴. На революционные события 1905 года Турже-Туржанская откликнулась брошюрой «Наша бюрократия и пролетариат», в которой подвергла резкой критике царский административно-чиновничий аппарат, говорила о полной несостоятельности царизма. С сочувствием писала она о революционных настроениях масс: «Никогда еще население России не отличалось таким единодушием как за последнее время, никогда так энергично не отстаивало интересов всеобщего равенства и политической свободы... Все прониклись идеей освобождения, все находили необходимым изменение государственного строя нашей родины»⁵.

Наряду с публицистическими статьями Е. де Турже-Туржанская писала рассказы, очерки, сказки для детей и взрослых. В 1905 году в Смоленске выходят ее сборник «Рассказы и очерки», сказка для взрослых «Царевна Мечта, труд и капитал», а в Москве — очерк «Сапожник». В 1907 году в Смоленске Туржанская выпускает новый сборник очерков и рассказов «Бесправные». В 1909 году она помещает свои рассказы в Московский художественно-литературный сборник «Огни», а в 1910 печатает в Смоленске рассказ «Отверженный» и пьесу «Зеленый шум» — в Москве.

3

В 1910—1911 годах Евгения де Турже-Туржанская издает в Смоленске двухнедельный детский иллюстрированный журнал «Родная Русь». Первые три номера журнала она послала в Ясную Поляну Л. Н. Толстому. Быстрый и добрый ответ Льва Николаевича, его согласие просмотреть журнал и высказать свое мнение о нем очень обрадовали Евгению Павловну. 18 марта

1910 года она написала Толстому полное благодарности письмо, в котором вновь рассказывала о журнале. «Я приложила все меры, чтобы оправдать его цель, а поэтому приняла на себя обязанности издателя-редактора, сотрудника и секретаря. Все это совершенно, конечно, безвозмездно. Все участники, т. е. сотрудники журнала также не берут гонорара за свои труды. Я хлопотала разрешение на развеску плакатов-объявлений о журнале во всех почтово-телеграфных учреждениях России и Сибири, а также Кавказа. Организовать журнал было мне очень трудно, тем более что помощи я ни от кого не видела и все хлопоты и заботы о нем лежали на мне одной. Теперь же, конечно, легче, сотрудники прибавляются, прибавляются и подписчики, даже из самых отдаленных мест. Среди подписчиков есть почтальоны и унтер-офицеры. Это, конечно, меня радует. С нетерпением и живейшим интересом я буду ждать Вашего отзыва о моем журнале, глубокоуважаемый Лев Николаевич, и много, много раз приношу свою благодарность за Ваше доброе внимание к моему изданию. <...> Также была бы очень счастлива, если бы Вы, глубокоуважаемый Лев Николаевич, хоть когда-либо что-нибудь поместили в моем журнале. Я сочла бы это для меня большим счастьем».

В этом письме Туржанской Л. Н. Толстому содержалась и еще одна просьба: высказать мнение о ее сочинениях. Евгения Павловна так рассказывала Льву Николаевичу о своих литературных занятиях: «С некоторого времени я прекратила писать для взрослых, так как настоящие условия печати гораздо хуже прежней цензуры. За некоторые мои сочинения, как-то: «Наша бюрократия и пролетариат», Женский и рабочий вопрос (современное положение), Еврейский вопрос,— я подлежала не только ответственности по статьям 129 и другим, но заключению в крепость. Так, на брошюре «Наша бюрократия и пролетариат» была уже сделана цензором надпись красными чернилами: «Призыв к вооруженному восстанию». Мне ее разрешили к печати лишь в октябре 1905 года, когда цензора поняли свободу слова, свободу печати. <...> Писала я и в журналах, участвовала в сборниках, книгоиздательствах, а теперь решила посвятить себя детской литературе, так как писать, как бы хотелось, нельзя, а писать, как хочет цензура, я не хочу». Туржанская послала Толстому

свои произведения, написанные в Смоленске за 8 лет, с 1902 по 1910 год, и просила, просмотрев их, оценить ее литературные способности.

Толстой получил эти книги. Они до сих пор хранятся в Яснополянской библиотеке. На многих из них есть автографы писательницы. Помет Л. Н. Толстого на книгах нет. Будучи очень занят, Лев Николаевич не смог выполнить просьбу смоленской корреспондентки написать отзыв о ее сочинениях.

18 апреля 1910 года Евгения Павловна поздравила Толстого с пасхальными праздниками. «От души желаю всего лучшего великому писателю и гордости Земли Русской», — писала она. А 10 мая послала ему свой рассказ «Отверженный» и письмо, в котором говорилось: «Так как рассказ возбуждает много прений, то позволю себе очень просить Вас, глубокоуважаемый Лев Николаевич, не отказать высказать о нем Ваше ценное для меня мнение, за которое была бы очень и очень признательна. Приму к сведению и буду следовать указаниям нашего великого, славного учителя, гордости нашей родины...»

Получив это письмо, Толстой на его конверте для своего секретаря написал конспект ответа: «Благодар<ить> за присылку. Постарается исполнить ваше желание, хотя это представляется оч<ень> трудн<ым>, ввиду тех сотен книг и рукописей».

На этом переписка Е. П. Туржанской с Л. Н. Толстым прекратилась.

4

Во время гражданской войны Туржанская находилась на фронте вместе со своими сыновьями, Борисом и Александром, которые в 1918 году добровольно вступили в Красную Армию и, служа в авиационной части, взяли к себе мать. Она занималась организацией художественной самодеятельности в отряде и среди жителей тех городов и сел, где стояла часть.

Нельзя не сказать несколько слов о сыновьях Туржанской. Они были отважными воинами и впоследствии стали кадровыми офицерами. Борис Туржанский прославился в боях гражданской войны в Испании в 1936—1939 гг., за что ему было присвоено звание Героя Советского Союза. Во время Великой Отечествен-

Е. П. Туржанская (снимок сделан в 1917 году во время сбора по поручению Общества Красного Креста книг для посылки солдатам).

ной войны он служил летчиком-испытателем, был награжден многими орденами и медалями. Славный путь прошел и Александр Туржанский. Командир эскадрильи штурмовой авиации, командир авиабригады, комдив, начальник авиационной школы, преподаватель Военно-воздушной академии — вот основные этапы его пути. Кавалер двух орденов Ленина, орденов Красной Звезды и Красного Знамени, он ушел в отставку в чине генерал-майора авиации и трудился на педагогическом поприще в одном из вузов Москвы⁶.

Знакомя нас с биографией своей матери, А. Туржанский сообщил: «В 1921 году она написала письмо В. И. Ленину, где перечислила свои литературные труды, и Владимир Ильич распорядился зачислить ее на специальное снаб-

жение и пенсию в ЦЕКУБУ (Центральная комиссия по улучшению быта ученых)»⁷.

Скончалась Е. П. Туржанская в 1932 году.

«СЧАСТЬЕ ВИДЕТЬ И ЗНАТЬ Л. Н. ТОЛСТОГО...»

(Воспоминания о Толстом Н. Н. Фере)

1

Мемуаров, посвященных Л. Н. Толстому, великое множество. И тем не менее все новое, что касается этого, как сказал М. Горький, «самого сложного человека среди всех крупнейших людей XIX столетия», не может не вызывать интереса.

Рукопись воспоминаний Н. Н. Фере о Толстом несколько десятилетий пролежала в бумагах ее детей. Теперь она извлечена из домашнего архива, прокомментирована, опубликована¹ и отдана на хранение в Музей Л. Н. Толстого.

Какова история этой находки? Кто такая Надежда Николаевна Фере, где и как она познакомилась с Толстым? Что представляют из себя ее воспоминания?

В дневнике Толстого есть упоминание о визите в Ясную Поляну смоленского вице-губернатора Василия Юльевича Фере. Отзыв Толстого о нем очень суровый: «Дома ужасный Фере, ужасный по своей непроницаемой, наивной буржуазности». Вероятно, мы прошли бы мимо этого факта, если бы не интересное сообщение по его поводу смоленского краеведа С. М. Яковлева. Оказалось, что он учился с сыном В. Ю. Фере Алексеем, который рассказывал ему о том, что его родители были в добрых отношениях и переписывались со Львом Толстым, что писатель подарил им свою фотографию с дарственной надписью и что у его сестры хранится рукопись воспоминаний их матери Надежды Николаевны Фере о великом русском писателе. Заинтересовавшись этими фактами, мы обратились к дневникам, письмам Льва Николаевича и Софьи Андреевны Толстых, к мемуарным, архивным источникам и перед нами раскрылась история многолетнего знакомства семьи Фере с семьей Л. Н. Толстого.

Надежда Николаевна Фере.

Надежда Николаевна, урожденная Зиновьева, и ее муж Василий Юльевич Фере были туляками. Толстой знал еще их родителей. Вместе с отцом В. Ю. Фере — Ю. Е. Фере он был мировым посредником в Крапивенском уезде Тульской губернии. Отец Н. Н. Фере Н. А. Зиновьев познакомился со Львом Николаевичем в годы своего губернаторства в Туле и с тех пор постоянно проявлял к Толстому и его семье дружеское внимание. Это позволяло Льву Николаевичу обращаться к Н. А. Зиновьеву с просьбами о помощи то крестьянам, то сельским учителям, то участникам тол-

стовских общин. В 1891—1892 годах он использовал знакомство с Н. А. Зиновьевым при организации помощи голодающим.

Н. А. Зиновьев бывал у Толстых в Ясной Поляне. Обычно он приезжал со всей семьей — женой и дочерьми. Такие визиты случались довольно часто, особенно летом, когда Зиновьевы жили на даче недалеко от Ясной Поляны. Старшие их дочери серьезно занимались музыкой: Надежда училась петь, Любовь — играть на фортепиано. В Ясной Поляне они нередко оказывались участниками импровизированных музыкальных вечеров. «Вечером приехали Зиновьевы с музыкой», — отмечает Л. Н. Толстой в дневнике 24 августа 1890 года.

Надежда Зиновьева близко сошлась со старшей дочерью писателя Татьяной Львовной. Вот выдержки из ее писем подруге: «Жаль, что не удалось побывать в Ясной...»; «Сегодня переезжаем на дачу, очень радуемся, что будем близкими соседями»; «Побывать у вас — это мое самое сильное желание»; «Скорее бы нам увидеться»².

Но не только дружеская привязанность к Татьяне Львовне тянула Надежду Зиновьеву в Ясную Поляну.

Ее письма свидетельствуют о большом интересе и уважении к самому Толстому. В редком из них она не писала о нем. «Нас очень огорчают слухи, что Лев Николаевич не совсем здоров, надеемся, что он скоро поправится, и это не серьезно». «Дорогая Таня, папа и я просим тебя сообщить нам о здоровье Льва Николаевича». «Нас обрадовало, что Льву Николаевичу лучше», — читаем в ее письмах.

Надежда Зиновьева не раз встречала Л. Н. Толстого и его близких в доме отца, в Туле. «Вчера, 11 марта (1890 года. — И. А.) были у нас Лев Николаевич и Таня», — отмечала она в своей записной книжке³. В январе 1891 года Лев Толстой, будучи в Туле, обедал у Зиновьевых. А в марте того же года он «ездил в Тулу верхом к Давыдову и Зиновьеву по делам разных крестьян»⁴.

Когда Надежда Зиновьева стала женой В. Ю. Фере, чиновника при тульском губернаторе, она вместе с мужем приезжала к Толстым. «У нас теперь Фере с женой», — писал Толстой.

В 1893 году в отношении Л. Н. Толстого к Н. А. Зиновьеву произошло резкое охлаждение. Причиной этому было участие Зиновьева в усмирении крестьян села Бобрики Тульской губернии, о чем Лев Николаевич с гневом рассказал в письмах и статье «Царство божие внутри вас». В том же году Зиновьев уехал из Тулы в Могилев, где стал губернатором. Вскоре покинула Тулу и Н. Н. Фере с мужем. В. Ю. Фере после Тулы служил в Лепеле, Двинске, Тургайской области, а с 1905 по февраль 1917 года — вице-губернатором в Смоленске.

Но общение Зиновьевых и Фере с Толстыми не прекратилось. В 1897 году тульские знакомые посетили Толстых в Москве и в Ясной Поляне. В 1898 году Н. Н. Фере была в Ясной Поляне в июне и в день рождения Льва Николаевича 28 августа. Оба раза она пела. С. А. Толстая 14 июня 1898 года записала в дневнике: «Приехала Надя Фере, очень приятно пела». Позднее Н. Н. Фере вспоминала: «Никогда не забуду, как однажды исполняла я романс Глинки «Я помню чудное мгновенье». Было лето, окна в зале были открыты, и вдруг по окончании пения раздались из сада аплодисменты. Это аплодировал Лев Николаевич, и я замерла от восторга от этой похвалы»⁵.

Проводя лето на даче, расположенной близ Ясной Поляны, Надежда Николаевна однажды, гуляя в лесу, встретила с Львом Николаевичем. Эту встречу она описала на отдельном листке, который сохранился. «Живя на даче возле Засеки, большого казенного леса, я часто в нем гуляла одна, сопровождаемая большой собакой-догом Ромкой. Лес соприкасался с Ясной Поляной; и вот однажды я встретила Льва Николаевича верхом на своей не крупной, но резвой лошадке. Я была одна, потому что дети были слишком малы, чтобы сопутствовать мне, а муж в будни уезжал в город на службу, а по праздникам — к родителям, которые жили от нас верстах в двадцати пяти. Я была почему-то удручена, вследствие какого-то столкновения с моим отцом. Он очень любил свою семью, но был деспотичен и очень требователен к своим детям. Он с молодых лет вел честную трудовую жизнь, добился ответственных должностей, был у власти, и последняя плюс нервная возбужденность, повлияли на его характер, от которого страдали не только близкие, но и чужие. Лев Николаевич со своей пронизательностью сразу заметил, что мне что-то не по себе. Он спросил о причине моего грустного настроения, и я излила ему свою душу. Он выразил сочувствие, но, не оправдывая моего отца, предложил мне не осуждать его»⁶.

Поселившись в Смоленске, Фере продолжали поддерживать дружеские отношения с семьей писателя. Теплым, сочувственным письмом из Смоленска откликнулась Н. Н. Фере на смерть дочери Л. Н. Толстого Марии Львовны. Потрясенная ее преждевременной кончиной, Н. Н. Фере писала своей подруге Татьяне Львовне, но говорила как всегда, и о Льве Николаевиче: «Как мне жаль бедного Льва Николаевича, да даст ему бог силы перенести это горе. Тяжело потерять ребенка, но еще тяжелее потерять его в таком возрасте, когда в нем лишаешься и друга».

Знакомством с Толстым дорожил и В. Ю. Фере. «Мы часто вспоминаем Вас и Вашу семью, и то время, когда могли чаще видаться... Прошу передать самый искренний поклон Льву Николаевичу и всем Вашим», — писал он в ответном письме Софье Андреевне из Рославля в июле 1908 года. А 28 августа того же года послал из Смоленска в Ясную Поляну поздравительную телеграмму в связи с 80-летием Льва Николаевича.

В. Ю. Фере сожалел, что не смог сам побывать у Толстых в дни юбилея. Своему знакомому А. В. Жиркевичу он писал 15 сентября 1908 года: «К сожалению, мне не удалось побывать в Ясной Поляне, так как Лев Николаевич в то время был серьезно болен и никого не принимал, но жена и дочь в конце июля были у Толстых и провели там почти целый день, ночевали и на другой день вернулись домой; за обедом и вечером Лев Николаевич был очень оживлен и разговорчив, просил жену спеть что-нибудь и с большим вниманием слушал музыку, которую он, видимо, любит; в этот вечер у них играл также прекрасный пианист Гольденвейзер, которого я также когда-то слышал в Ясной Поляне».

В. Ю. Фере посетил Ясную Поляну незадолго до смерти писателя. 16 августа 1910 года он сообщал А. В. Жиркевичу: «На днях я был в Ясной Поляне и провел в обществе Льва Николаевича и его семьи целый вечер; мне давно хотелось быть у Толстых, с которыми я не виделся почти четыре года; Лев Николаевич мало изменился; в этот вечер он был не особенно разговорчив, так как был чем-то расстроен». Заметим, что В. Ю. Фере не понял истинной причины неразговорчивости Толстого. Писателю, идейно порвавшему с господствующими классами, были чужды и неприятны люди, связанные с правящей верхушкой общества. В дневнике 9 августа 1910 года Лев Николаевич записал: «Ездил к Марье Александровне (Шмидт, единомышленница Толстого, жила в деревне Татьяны Львовны Овсянникове, недалеко от Ясной Поляны.— И. А.). Милый народ. Дома ужасный Фере, ужасный по своей непроницаемой, наивной буржуазности». Как характерно для него это противопоставление «милых» единомышленников и «ужасного» представителя власти!

Интересен ответ Льва Николаевича на вопрос Софьи Андреевны о причине его мрачного настроения в день приезда Фере. Сказанное им она тогда же записала в дневнике: «Он сказал сначала, что что-то скучно, а потом истолковал мне так, что он не мрачен, а просто серьезен, что бывает такое настроение, что «все разговоры кругом кажутся не нужными, скучными, бесцельными, что все ни к чему».— А разговоры были, конечно, неинтересные и чуждые, так как приехал сосед В. Ю. Фере, смоленский вице-губернатор, старый знакомый, ко-

торого мы не видали пять лет. Человек хороший, добродушный, любит музыку, играл с Левой в четыре руки, но человек обыкновенный». Однако Толстой внес имя этого человека в свою записную книжку: «Фере, вице-губернатор». Вероятно, В. Ю. Фере интересовал Льва Николаевича как типичный представитель своей среды, который мог бы послужить «моделью» для художественного изображения.

Узнав о смерти Толстого, Фере телеграфировал из Смоленска в Ясную Поляну Софье Андреевне: «Глубоко сочувствуем Вашему горю». Тогда же Василий Юльевич писал А. В. Жиркевичу: «Нас очень опечалила кончина Толстого, — с его личностью в нашей семье связано столько хороших воспоминаний».

Знакомство Фере с семьей Толстого продолжалось и после смерти писателя. 29 июля 1911 года Софья Андреевна записала в своем ежедневнике: «Приезжал бывший наш губернатор Зиновьев с дочерью Надей Фере. Гуляла с ними, ходили на могилу. Читала им и Горьким мои записки «Моя жизнь»⁷. Летом того же года В. Ю. Фере писал А. В. Жиркевичу: «Недавно я был в Ясной Поляне — грустно там без Льва Николаевича».

В Ясной Поляне бывали и представители третьего поколения семьи Зиновьевых-Фере, дети Н. Н. и В. Ю. Фере. Сохранилось письмо Н. Н. Фере к С. А. Толстой, в котором она с сожалением пишет о том, что из-за болезни не может сама «побывать в милой Ясной Поляне» и просит принять ее дочь с подругой, которым очень хочется поклониться могиле Льва Николаевича... В следующем письме Надежда Николаевна благодарит Софью Андреевну за ласковый прием дочери.

Такова многолетняя история общения Зиновьевых и Фере с Толстыми. Она свидетельствует о том, что воспоминания Надежды Николаевны Фере о Льве Николаевиче основаны на богатейших личных впечатлениях.

2

Мы разыскали детей В. Ю. и Н. Н. Фере. Их дочь Елена Васильевна Эльперина познакомила нас с рукописью воспоминаний своей матери о Толстом. В бумагах Н. Н. Фере, хранившихся у ее сына Алексея Васильевича Фере, были обнаружены черновик этих воспоминаний, несущий на себе следы тщательной авторской

правки, отдельный листок с описанием встречи с Толстым в лесу и записная книжка Надежды Николаевны, в которой есть запись о приезде Толстого с дочерью Татьяной к ним в Тулу. Портрета Толстого с его дарственной надписью обнаружить не удалось.

Беловая рукопись воспоминаний состоит из двенадцати страниц большого формата и имеет заголовок «Еще о Толстом». На последней странице подпись Н. Ф. В рукописи не указана дата написания. Но можно предположить, что это было в 1928 году: о столетнем юбилее Л. Н. Толстого Н. Н. Фере пишет, как о современном событии. Вероятно, юбилей и побудил ее взяться за перо.

Воспоминания написаны человеком незаурядным. Еще в молодости Н. Н. Фере были свойственны высокие духовные запросы. Татьяне Львовне Толстой она жаловалась, «как ей бывает неприятно и унижительно до слез покупать разные платья и наряды и как многое в их доме ее коробит»⁸. Она осуждала в людях пустоту и бессодержательность. Ей были скучны «пустомели со своими плоскими шутками»⁹. Записная книжка двадцатилетней Надежды Николаевны полна замечаний о прочитанных книгах, прослушанных операх.

Н. Н. Фере получила хорошее образование. Она училась в Петербурге. Окончила гимназию и педагогические курсы. Революция направила ее судьбу по новому руслу, помогла обрести смысл жизни. С 1917 года началась ее трудовая деятельность. Живя в Смоленске, она преподавала иностранные языки сначала в гимназии, потом в Смоленском отделении Московского археологического института и затем в Смоленском государственном милитаризованном политехническом институте Западного фронта. В 1919 году Н. Н. Фере служила в военно-цензурном отделении Западного военного округа, а в 1920 — переводчицей на радиостанции Западного фронта. С 1921 по 1935 год она жила в Ленинграде, занимаясь преподавательской деятельностью. Умерла Н. Н. Фере в Башкирии.

3

В своих воспоминаниях Н. Н. Фере писала о том, что на ее долю выпало «счастье видеть и знать Льва Николаевича Толстого». Приезжая в Ясную Поляну,

встречая Толстого в доме отца, она внимательно наблюдала за ним, вслушивалась в то, о чем он говорил. Это позволило Н. Н. Фере сохранить в памяти и затем воссоздать в своих записках не только подробности яснополянского быта, но и живой образ великого писателя. Наиболее интересны в воспоминаниях Н. Н. Фере те страницы, где воспроизводятся высказывания Толстого, характеризуются его взгляды, отношение к людям, к народу. Вот несколько таких страниц.

Приехав однажды в Ясную Поляну, Зиновьевы, чтобы повидаться с Толстым, должны были отправиться на сенокос, где он работал вместе с дочерьми. «Лев Николаевич объяснил,— писала Н. Н. Фере,— что они ставят стог для двора за бедную женщину, которая взяла сенокос исполу и не могла отработать, т. к. умер последний работник в ее семье. На вопрос моего отца, не нужно ли ей помочь деньгами, Лев Николаевич ответил, что он в принципе не допускает денежной помощи, т. к. такая помощь унижает человека, которому она оказывается. «Помогать людям нужно только своим личным трудом»,— сказал он».

На всю жизнь Н. Н. Фере запомнила разговор с Толстым отца, узнавшего, что писатель увлекается кладкой печей в избах крестьян. В своих воспоминаниях она писала: «Глядя, как усердно предавался этой работе Лев Николаевич, мой отец спросил: «Отчего, Лев Николаевич, Вы не употребите время, которое Вы тратите на эту черную работу, на занятие более Вам привычное, которым Вы принесли так много пользы и, надеюсь, будете еще приносить,— на литературный труд?»

«Зная Вас,— ответил он,— я уверен, что Вы занимаетесь Вашим делом, не как наемник только, а из желания принести пользу народу. Ну а случилось ли Вам иногда, делая что-либо, задаваться вопросом, не принесет ли это не пользу, а вред?» «К сожалению,— ответил мой отец,— такое сомнение возникает нередко, нередко оно и оправдывается». «Вот видите ли,— сказал Лев Николаевич,— я всю свою жизнь писал повести и романы, все меня за них очень хвалят... <...> Вы думаете, не возникает и у меня иногда сомнение, а что, если я ошибаюсь и приношу этим своим трудом не пользу, а вред. Ну, а вот когда я печку складаваю, то уверен, что никому этим вреда я не приношу». «А если от дурно

Мусе • Толстой

В детстве и позднее вспоминаю в жизни
много людей, и особенно частные виденья и
узнаю Лова Аниславовна Толстой.
Я помню Долго было по этому частному
хотел и тогда была очень молодая и по-
настоящему была вся на поверяюща...
там и там там хотелось или поделиться.
В 1888 г. поехали в Тулу и там
проводили на даче, недалеко от Засеки,
большого леса, возле которого находил-
ся и лесной поляны. У нас были охот-
ники, которые бывали в лесной и нахо-
дили большое удовольствие посещать
Толстой. Они договаривались поехать от-
туда поохотиться все со Ловой Анисла-
вовной, но она долго не могла решиться
на это предложение. Наконец, его убе-
дили, что Толстой люди очень про-
стые, доступные и гостеприимные.
У нас всегда бывало столько посети-
телей, что и видеть того отца и много-
ко бы не удивляла. Наконец, пошел отец
поехать в лесной Поляны. Впечатление
было настолько обаятельное, его при-
няла моя любовь, что на следующий
день он решил взять с собой мою мать,
сестру и меня.
Ке хотелось и не знала, что испытывала
еще, но я страшно волновалась. Мое
состояние трепет и восторг, что я
узнаю о Лове Аниславовна и ^{узнаю} ~~восторг~~ ^{узнаю} ~~восторг~~ ^{узнаю} ~~восторг~~
такие чувства не покидали меня в его
присутствии.

сложенной Вами печи произойдет пожар?» — спросили мы. «Не может этого быть, я складываю их хорошо», — ответил Лев Николаевич».

Запомнился Н. Н. Фере и разговор ее отца с Толстым относительно помощи голодающим. Н. Н. Фере воспроизвела слова Толстого о народе, доведенном до крайней степени нищеты. «Мой отец шутя говорил ему: «Вот видите, иногда приходится помогать людям не одним личным трудом». «Что же делать, — отвечал Лев Николаевич, — теория иногда должна уступать требованиям практики, но из этого не следует заключать, что требования теории неосновательны». «В моем отчете о помощи голодающим, — говорил Лев Николаевич, — я думаю уподобить народ дворнику, который работает у вас на дворе в продолжение многих лет. Случилось, что он сломал ногу, вы, как добрый человек, берете его к себе в дом, делаете ему перевязку и тут только замечаете, как он худ и истощен. Очевидно, его подточила не случайная болезнь, а долгая, тяжелая, трудная жизнь. Так и с народом: голод заставил нас ближе взглянуть в его состояние, и тут мы увидели, до какого убожества и нищеты он дошел. Очевидно, что к этому привел его целый ряд годов тяжелой жизни. А что многие из нас относятся к больному дворнику, как к живущему от нас за тысячи верст китайцу, я думаю, Вы отрицать не станете».

Мысль Толстого здесь передана с удивительной точностью. Писатель не раз сравнивал голодающих крестьян с людьми, которые переживают не случайное, легко излечимое заболевание, а тяжелую, хроническую болезнь. В «Отчете об употреблении пожертвованных денег с 12 апреля по 20 июля 1892 г.» Толстой писал: «Мы все, занимавшиеся в прошлом году кормлением народа, находимся в положении доктора, который бы, быв призван к человеку, вывихнувшему ногу, увидел бы, что этот человек весь больной. Что ответит доктор, когда у него спросят о состоянии больного? «О чем хотите вы узнать? — переспросит доктор. — Спрашиваете вы про ногу или про все состояние больного? Нога ничего, нога простой вывих — случайность, но общее состояние нехорошо».

В черновой редакции XII главы статьи «Царство божие внутри вас» Лев Николаевич писал о том, что он ехал к голодающим крестьянам с тяжелым чувст-

вом, «подобным тому, которое испытывает приставленный к безнадежному больному фельдшер». И позднее в статье «Голод или не голод?» Толстой сравнил положение крестьян с положением чахоточного больного.

С грустным чувством вспоминала Н. Н. Фере свое последнее посещение Ясной Поляны. «Последний раз я навестила Ясную летом 1911 года. Софья Андреевна проводила меня на могилу. Как величественна в своей простоте эта одинокая могила в сосновом лесу, окруженная некрашеной деревянной решеткой с дверцей, висевшей на одной петле. Лучше ли бы была эта могила на каком-нибудь кладбище, да и какой памятник можно бы на ней воздвигнуть?

Зашла я и в комнаты, в которых последние годы жил Лев Николаевич и где все было в том же виде, как он их оставил, покинув навсегда Ясную Поляну».

В то время, когда Н. Н. Фере писала свои воспоминания, о Льве Толстом существовала обширная мемуарная литература, с которой она была, конечно, знакома. Но ее воспоминания не повторение прочитанного. Они написаны на основании личных впечатлений и содержат ряд фактов, дополняющих колоритными подробностями то, что уже известно о жизни обитателей Ясной Поляны, о деятельности и духовных исканиях Л. Н. Толстого.

«ОБРАЩАЕМСЯ МЫ К ВАМ ЗА ПОМОЩЬЮ...»

(Письма рабочих людей)

Н. Н. Гусев, секретарь Л. Н. Толстого, писал в своей книге «Два года с Л. Н. Толстым»: «Не раз я слышал от Льва Николаевича, что когда он получает письма и видит на конверте правильно и четко написанный адрес, то такие письма менее его интересуют, чем письма с безграмотным и непривычной к письму рукой написанным адресом («Толстову», как пишут многие). Письма рабочих людей более интересны Льву Николаевичу, чем письма интеллигенции»¹.

А таких писем Толстой получал очень много, и среди них было немало от смоленских крестьян. В малограмотных, но глубоко искренних письмах они рассказывали писателю о своих бедах — недостатке земли, плохих урожаях, голоде, безвинно осужденных на каторгу людях.

«В селе Каменце Рославльского уезда Смоленской губернии голод. Я слышал и читал, что Вы бывало помогали; если Вы и теперь пожалеете пухнувших от голода людей, то благоволите прислать помощь на учителя или на священника», — взывал о помощи в марте 1908 года учитель Каменецкого сельского училища»².

«Земли очень мало, да и та не приносит ровно никакой пользы. Своего хлеба хватает только на месяц, на два. Чем же кормиться остальное время года?» — спрашивал в мае 1910 года 20-летний крестьянин Василий Флоров из деревни Пустынька Рославльского уезда Смоленской губернии³.

Виноват ли он, бедняга осужденный?
Что на жизнь свою он право заявлял...
Что в земле и воле — притесненный
Свое он счастье полагал, —

спрашивал стихами Василий Куфтин из Темкина⁴.

Эти письма о тяжелых невзгодах и лишениях, о нужде и бесправии крестьян, о притеснениях и злоупотреблениях со стороны властей дополняли собственные впечатления Толстого от общения с народом и наводили писателя на серьезные размышления, получавшие воплощение в художественных произведениях и публицистических статьях. Вспомним роман «Воскресение». Толстой пишет о Нехлюдове, посетившем свои имения. «Теперь ему было ясно, как день, что главная причина народной нужды, сознаваемая и всегда выставляемая самим народом, состояла в том, что у народа была отнята землевладельцами та земля, с которой одной он мог кормиться».

А вот слова крестьян из другого произведения писателя, пьесы «Плоды просвещения»: «Земля наша малая, не то что скотину — курицу, скажем, и ту выпустить некуда... Нам без этой земли надо жизни решиться...»

Во многих статьях — «О голоде», «Страшный вопрос», «Голод или не голод?» и других Лев Николаевич отразил мужицкую оценку создавшейся обстановки, которую хорошо знал не только благодаря личному общению с народом, но и по многочисленным письмам крестьян, в том числе и смоленских.

Во многих письмах Толстому задавались вопросы религиозного характера, свидетельствовавшие о том, что людей не удовлетворяет религия, проповедуемая официальной церковью, и они ищут иной веры. Вот какое письмо получил Толстой из Ярцева от рабочих фабрики Хлудова: «Его превосходительству Льву Николаевичу Г-ну Толстому! Лев Николаевич! обращаемся мы к Вам за помочью как Вы великий и всемирный писатель, в особенности религиозный указатель, то мы и решили обратиться к Вам, Лев Николаевич, фабричные рабочие ярцевской мануфактуры. А в особенности к Вам обращаемся, великий всемирный писатель, извините, пожалуйста, нас, что мы малограмотны и необразованны, темны и решили обратиться как к великому учителю разрешить нам тяжелые вопросы, в особенности «религия». Так как мы не знаем откуда нам найти истинный путь к спасению, то и решили обратиться к Вам...»⁵ Ответное письмо ярцевским рабочим от 30 декабря 1907 года Толстой начал словами: «Любезные друзья и братья, мне очень приятно было полу-

Многуважаемый Лев Николаевич
Если Ваше поздравить время
и состояние Вашего здоровья
адресовать ей отряды, то не откажи-
те в совете, как вышесте из
такого положения.

А кроме этого. Окончив второ-
курсные занятия и два года
находясь состоя в должности
участкового помощника и пр. и пр.
состоя в должности и пр. и пр.
возвращении. Никуда
оттуда, мать и братишка
Всё и так же время занимаю
Великолепный Вильгельм
до и на не принимает равно
никакой помощи. Своё же благо-
приятель только на помощь, но для
Уж не корешется оставшее
время года? Отец, конечно, в

См. я истинно беден, что и ты не по моему суждению
дружину, так же как ты не
можешь жить? Искренно прижа-
рившись к моему благому делу
который? Вы иже востановите трусо-
ство передъ незнакомымъ. До вѣдѣ-
нъ не барее жизни, а потому
неудивительно, что я спосо-
бенъ трусить передъ ней.

Можетъ ли быть, помогаю-
ща, какъ ищутъ поспѣшить?

Простите, что я дерзнулъ
къ Вамъ писать.

В. Рогов

Адресъ: Коски Романовскій у.
См. в. Луговское вост. пр.
дер. Мухоморова Васильевъ В.
Роговъ. 22. 1866.

чить ваше письмо...» И далее он выражал удовлетворение тем, что рабочих занимают «самые важные вопросы на свете, а именно, как жить». Писатель послал рабочим в Ярцево свои сочинения, содержащие изложение его взглядов.

Толстой не мог указать правильного пути к освобождению народа от эксплуатации. Он выражал утопическую надежду на то, что помещики, став на путь нравственного самоусовершенствования, добровольно «перестанут делать то, что губит народ», возвратят награбленное, изменят свою жизнь и приблизятся к народу. Но объективное содержание и значение его художественных произведений, статей и ответных писем рабочим людям заключается в беспощадно резком обличении всех порядков самодержавной России, что, конечно, способствовало пробуждению революционного сознания народа.

Письма Толстому со Смоленщины убеждают в том, что большинство людей ценили в нем не вероучителя, не проповедника христианского всепрощения и непротivления, а, говоря словами В. И. Ленина, «горячего протестанта, страстного обличителя, великого критика», которому свойственна «безбоязненная, открытая, беспощадно-резкая постановка самых больных, самых проклятых вопросов времени»⁶.

Вот что писал Толстому из Смоленска в сентябре 1908 года один из его корреспондентов Д. Редкий: «Шестьдесят лет Вы изучали и проповедовали истину, право, справедливость. Полвека Вы боретесь за эти святые права человека, гражданина. Вы открыто и честно выступали с тяжелыми обвинениями поборников рабства, гнета, насилия. В своих обвинениях Вы не щадили ни сидевших на троне, ни их исполнителей как в сфере управления духовной жизнью России, так и гражданской. Ваши авторитетные обличения правителей России создали в них непримиримых Вам врагов и ненавистников. Одни из них в мелочной злобе и ложном тщеславии отлучили Вас от церкви; другие в истекшее историческое время торжества всего культурного мира (речь идет о 80-летнем юбилее Толстого.— И. А.) преграждали русскому обществу свободный путь выражения воли и чувства — чествования Вас. Тщетны их усилия!.. Русское мыслящее общество видит в Вас своего кормчего — оно шло и пойдет за Вами, работало и бу-

дет работать в массах народа, проводя свет в него, и будет проводить до тех пор, пока перестанет народ ра-
ботать на своих насильников, голодать и разоряться
вкорень. Оно терпеливо будет ждать событий, когда
народ проявит свои творческие силы на действительное
обновление родины — торжество права и справедливо-
сти, царства любви, равенства и свободы»⁷.

Толстой не только переписывался с рабочим людом
Смоленщины. Со смоленским крестьянином Петром
Алексеевичем Булаховым его связывала длительная
личная дружба.

«ЛЮБИЛ Я ЕГО БОЛЬШЕ СВОЕЙ ЖИЗНИ...»

(Л. Н. Толстой и П. А. Булахов)

Л. Н. Толстой однажды записал в дневнике: «Был Новиков — писарь (очень сильный) и Булахов тоже силач нравственный и умственный».

О военном писаре из тульских крестьян М. П. Новикове написана целая книга¹. Кто же такой Булахов, которому Толстой дал такую высокую оценку?

Из Полного собрания сочинений Толстого узнаем, что Булахов Петр Алексеевич — смоленский крестьянин, ставший московским рабочим. Он бывал у Льва Николаевича, брал у него книги, и писатель в свою очередь навещал молодого фабричного... Все говорит о дружеских отношениях Толстого и Булахова. Но как возникла эта дружба, что сближало великого писателя с крестьянином, ставшим рабочим? Это оставалось тайной. Прояснилось все после того, как в старой газетной подшивке была найдена запись воспоминаний Булахова о Льве Николаевиче, сделанная журналисткой М. Седовой².

Вот какова история этого знакомства и общения, воссозданная на основании воспоминаний Булахова, записных книжек, дневников, писем Толстого и других документов.

Петр Алексеевич Булахов родился в 1873 году на Смоленщине в крестьянской семье. Детство и отрочество его пришлись на годы, когда деревня переживала страшное разорение, нищету и голод. А где-то поблизости шумела Москва, в которой можно было легко найти работу. И двадцатилетний Петр Булахов уехал на заработки в Москву. Там он поступил ткачом на фабрику. Это был умный, грамотный юноша, очень любивший книги. «К тому времени, — вспоминает о себе Булахов, — начал я сильно сомневаться в православной церк-

ви, видел, что много обмана и хитрости. А когда прочитал «Народные рассказы» и другие творения Толстого, то совсем не знал, как себя в вере определить. И решил я тогда сам пойти к Льву Николаевичу. Знал я, что он к простому народу относится хорошо».

Не сразу Булахов отважился постучать в московский дом писателя. Не один раз приходил он в Хамовнический переулок, однако не хватало смелости зайти ко Льву Николаевичу, ни с чем поворачивал назад. Наконец, как-то зимним вечером решился, вспоминал он потом. «Закрыв книжку, посмотрел на часы — семь, вздохнул и начал одеваться. До Хамовнического переулка идти было далеко. По дороге думал: «О чем буду говорить? Изложу все мои сомнения, — пусть спасет, укажет путь». Незаметно дошел я до знакомого дома, перед которым простаивал не один вечер. И сразу забило сердце. Долго ходил по переулку. Дом, где жил Лев Николаевич, был сильно освещен; оттуда неслась музыка, в окно видны были танцевавшие пары. «Должно быть, гости», — подумал я и с отчаянной решимостью позвонил. Дверь открыл важный, представительный камердинер, спросил: «Вам кого?» Я решительно сказал: «Я к Льву Николаевичу по очень серьезным делам».

— Как доложить о Вас?

— Скажите, что фабричный рабочий Петр Булахов. Через несколько минут в широком пролете лестницы показался Лев Николаевич. Одет он был очень просто: в длинной рубашке, подпоясан ремнем.

Я очень заволновался, хотел убежать, но сдержался и пошел навстречу великому писателю.

Он ласково протянул мне руку, сказал: «Пройдемте в мой кабинет». <...> Вошли мы в небольшую, просто убранную комнату. Толстой указал мне рукой на кресло, сам сел напротив, спросил:

— Кто вы такой?

— Я рабочий, Лев Николаевич...

— Чем могу вам быть полезным?

У меня опять перехватило дыхание. Задрожавшим голосом я начал:

— Я пришел к тебе, Лев Николаевич, за помощью и советом.

И я рассказал Толстому о том, что больше не верю в бога, что ищу себе настоящей веры...

Лев Николаевич внимательно слушал, подробно

расспрашивал... И глубже опустившись в кресло, долго говорил о том, как лжива православная церковь, как грабят и разоряют русский народ попы...

Вот так мы и познакомились. Было это в январе 26-го числа 1895 года, и с той ночи я стал самым ревностным учеником и последователем Льва Николаевича Толстого».

Толстому тоже очень понравился новый знакомый, и он пригласил Петра Алексеевича навещать его, обещал давать книги.

Булахов стал часто бывать у писателя. Со дня знакомства до 1904 года — последней их встречи, они виделись семьдесят шесть раз. Многие из этих встреч нашли отражение в записных книжках, дневниках, письмах писателя.

Иногда Толстой просил Петра Алексеевича самого отметить в записной книжке, какие он берет книги. П. А. Булахов вспоминал, что Лев Николаевич не только давал ему книги на время, но и дарил свои сочинения на память.

Булахов навещал Толстого и в Ясной Поляне. С. А. Толстая 2 августа 1897 года записала в дневнике: «У Льва Николаевича в гостях какой-то фабричный, и хотя Лев Николаевич все повторяет, что это очень умный человек, но ему, очевидно, с ним скучно, и он не знает, что с ним делать и куда его девать».

Софья Андреевна ошибалась. Беседы с Петром Алексеевичем были интересны Толстому и ободряли его в минуты тоски и одиночества. В январе 1898 года Лев Николаевич записал в дневнике: «Третьего дня было тоскливо. И пришли мужики: Булахов с Ст. Пет. и два тульские. И так легко, бодро стало. Надо не поддаваться среде».

Толстой со свойственным ему озорством демонстрировал родным и знакомым свою любовь и уважение к мужику. Булахов вспоминал: «Однажды сидел я, по обыкновению, в кабинете Льва Николаевича и просто, как всегда, задушевно разговаривал с ним. Вдруг Толстой задумался, потом хитро улыбнулся, — длинные густые брови поднялись, сверкнули небольшие глаза (совсем особенные глаза у него были: как глянет, словно всего тебя наружу вытянет), — и сказал:

— Пойдемте, Булахов, чай пить.

— Нет, уж я лучше, Лев Николаевич, пойду до-

мой, — заторопился я, и так смутился, так потерялся, что даже не передать словами.

— Ну, полно, полно, — улыбаясь, говорил Толстой, — и повел меня под руку в длинную, нарядную залу, где за двумя столами уже сидели гости. Все они что-то говорили, смеялись, звенели ложечками.

Софья Андреевна недовольно повела плечами, что-то такое сказала, от чего все еще больше рассмеялись, и строго на меня посмотрела. Я сидел красный, потевший, и не знал, что делать с руками: они прыгали, в кончиках пальцев начало колоть. Гляжу, Лев Николаевич сам несет две чашки.

— А вот и чай, Булахов, — весело сказал он и поставил около меня чашку. И сразу мне радостно стало, вся тяжесть исчезла. Сидим мы от всех отдельно, разговариваем, я маленькими глотками прихлебываю душистый чай. Говорили о духоборах, о переселении их в Америку. Этот вопрос очень тогда интересовал Льва Николаевича.

Софья Андреевна оглядывалась, сдвигала брови, потом подошла к нам. Тронула Толстого за плечо и так зло сказала:

— Левушка, с вами желает поговорить баронесса... (фамилию баронессы я не расслышал). Обидно мне стало, вскочил сразу и говорю:

— Я пойду, Лев Николаевич. До свидания.

Поклонился Софье Андреевне, сказал:

— Спасибо за чай, ваше сиятельство (она всегда требовала, чтобы мы ее называли «ваше сиятельство»), — говорю, а самого так и дергает.

— Я сейчас вернусь, Булахов, — засмеялся Толстой, — а вы пока пейте чай. И отошел. Мешаю ложечкой чай, опустил сам голову, думаю, как бы уйти поскорей.

— А вы любите фрукты, Булахов? — услышал я вдруг знакомый голос. Поднял глаза: Толстой приветливо улыбается и протягивает мне вазу, наполненную красивыми пахучими яблоками. В тот вечер он уж от меня не отходил и отпустил, как всегда, в 12 часов».

П. А. Булахов рассказывает о своих беседах с Толстым на литературные темы — о Белинском, Некрасове, о Чехове, которого он однажды застал у Толстого.

С каждой встречей дружба Толстого с Булаховым все крепла и крепла. Теперь уже не только Петр Алек-

сеевич навещал Толстого, но и Толстой бывал у Булахова. Вероятно, не без помощи Толстого Булахов с ткацкой фабрики перешел на службу к близкому знакомому Толстых, инженеру Казанской железной дороги П. А. Буланже. Наняв себе жилье, Булахов на новоселье пригласил Толстого. Писатель не отказался. Тогда же он сообщал А. К. Чертковой: «Сейчас был с Дунаевым и Страх^{<овым>} у Булахова, помните, фабричный, умница, на новоселье. Он поступил к Буланже и нанял квартиру и звал к себе. Был другой фабричный, и было приятно».

Организуя помощь духоборам, которых правительство преследовало за отказ от военной службы и неповиновение властям, Толстой посоветовал направить к ним для переговоров именно Булахова. Он верил в его преданность и надежность. 6 апреля 1898 года он писал В. Г. Черткову: «Мы решили просить ехать Булахова — помните, молодой, умный очень, фабричный, он служит теперь у Дунаева (директор Московского торгового банка, где хранились деньги, собиравшиеся для помощи духоборам.— И. А.). Дунаев нашел Булахову рыбные поручения в Обдорск. Булахов же сам человек очень умный, твердый и памятливы́й — он не берет никаких бумаг и все передаст устно и, по всем вероятиям, доедет. Он поехал теперь проститься в деревню и приготовиться и завтра или послезавтра уезжает 7-го или 8-го. Он передаст Веригину (руководитель партии духоборов.— И. А.) и прошение Гос^{<ударю>}, которое он выучил наизусть».

В архиве Толстого есть письмо А. Н. Дунаева от 19 мая 1898 года. В нем он сообщал Льву Николаевичу о том, что поездка Булахова к Веригину и духоборам оказалась неудачной. В пути Петр Алексеевич был арестован. «В острог он не попал,— писал Дунаев,— только благодаря тому, что при нем не нашлось ни одной бумажки, а записная его книжка была вся переполнена очень подробными заметками и сведениями по рыбному делу...»³, сделанными, добавим, для отвода глаз.

Позднее Булахов был приглашен управлять имением сына Толстого Сергея Львовича. Лев Николаевич не одобрил согласия Булахова. Петр Алексеевич вспоминал, как Толстой упрекал его. «Кому вы служите, Булахов? Тем, кто разоряет вас, кто отнимает вашу зем-

лю? <...> Нет, недоволен я вами, очень недоволен, врагам своим служите», — твердил Толстой».

Революция 1905 года помогла Булахову освободиться от этой должности. Дожил он и до Великой Октябрьской социалистической революции. Теперь смоленскому крестьянину уже не нужно было искать заработка на стороне, и он поселился у себя на родине в деревне Быково Воробьевского сельсовета Гжатского района Смоленской области, став колхозным счетоводом. Но память о Толстом не померкла. «По вечерам, — рассказывает беседовавшая с Булаховым и опубликовавшая его воспоминания М. Седова, — покончив колхозные дела, старик надевает очки и пишет свои воспоминания о Толстом».

Сохранились ли эти записки Булахова, какова судьба его библиотеки, в которой было немало книг с дарственными надписями Толстого?

Во время войны фашисты сожгли родную деревню Булахова. Земли эти теперь принадлежат совхозу «Акатовский» Гагаринского района. Никого из родственников Булахова пока разыскать не удалось. Но местные жители помнят колхозника, который в молодые годы водил дружбу с самим Толстым.

П. А. Булахов вспоминал о Льве Николаевиче: «Любил я его больше своей жизни, и он ко мне хорошо относился...»

Дружба Толстого со смоленским крестьянином — один из многочисленных фактов, говорящих о близости великого писателя к простому народу.

ПРИМЕЧАНИЯ

«Мне радостно и читать Вас и издали любить...»

(Л. Н. Толстой и С. А. Рачинский)

¹ Толстой Л. Н. в очерках цитируется по Полному собранию сочинений. Юбилейное издание. В 90 т. М., 1928—1958.

² Горбов Н. Сергей Александрович Рачинский//Журнал министерства народного просвещения. 1902, декабрь. С. 73.

³ Письма С. А. Рачинского к Л. Н. Толстому цитируются по кн.: Письма Толстого и к Толстому. М.; Л., 1928.

⁴ Татевский архив. Хранится в Центральном Государственном архиве литературы и искусства СССР (ЦГАЛИ).

⁵ Берс С. А. Воспоминания о гр. Л. Н. Толстом. Смоленск, 1894. С. 33—34.

⁶ Колокол. 1867. № 237. 15 марта.

⁷ Георгиевский В. Т. Памяти С. А. Рачинского. К 10-летию со дня его кончины. СПб., 1912. С. 15—16.

⁸ См.: Рачинский С. А. 1001 задача для умственного счета (1891); Арифметические забавы (1900); Геометрические забавы (1901).

⁹ См.: Фаермарк Д. С. Задача пришла с картины. М., 1974.

¹⁰ Рачинский С. А. Сельская школа. СПб., 1899. С. 252.

¹¹ Рачинский С. А. Заметки о сельских школах. СПб., 1883. С. 10.

¹² Стрелкова Л. С. А. Рачинский//Советская педагогика, 1988. № 5. С. 106.

«О многом хотелось бы поговорить с Вами...»

(Л. Н. Толстой и А. Н. Энгельгардт)

¹ Фаресов А. И. Семидесятники. Очерки умственных и политических движений в России. СПб., 1905. С. 10.

² Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч. М., 1965—1977. Т. 18, кн. 2. С. 73.

³ Ленин В. И. От какого наследства мы отказываемся?//Полн. собр. соч. Т. 2. С. 522.

⁴ Энгельгардт А. Н. Давние эпизоды//Исторический вестник. 1911, СХХIV, июнь. С. 845.

⁵ Письма Толстого и к Толстому. М.; Л., 1928. С. 312.

⁶ Энгельгардт А. Н. Из деревни. 12 писем. 1882—1887. М., 1987. С. 132. В дальнейшем цитируется это издание.

⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 527—528.

⁸ Бабаев Э. Г. «Анна Каренина» Л. Н. Толстого. М., 1978. С. 36.

⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 526.

«Не знаю, как Вы отнесетесь ко мне...»

(Л. Н. Толстой и М. А. Энгельгардт)

¹ Письма М. А. Энгельгардта см. в кн.: Письма Толстого и Толстой к М. А. Энгельгардту. М.; Л., 1928.

² По другим данным — в 1858 году.

³ См.: Деятели революционного движения в России. Библиографический словарь. Неопубликованный том. Хранится в Государственной публичной исторической библиотеке СССР.

⁴ См.: Волк С. С. «Народная воля». 1879—1882. М.; Л., 1966. С. 286. Здесь среди студентов, принимавших деятельное участие в рабочей пропаганде, ошибочно назван не Михаил Энгельгардт, а Николай.

⁵ ЦГАЛИ, ф. 572, оп. 1, ед. хр. 152.

⁶ Там же, оп. 2, ед. хр. 20, л. 100.

⁷ Там же, л. 102.

⁸ Государственный архив Смоленской области, ф. 1, оп. 8, д. 17, л. 3 об., 4. На 1 января 1885 года.

⁹ См.: Дело 1-го марта 1881 г. (Правительственный отчет). Одесса, 1906. С. 6.

¹⁰ См.: Гусев Н. Н. Два года с Л. Н. Толстым. М., 1973. С. 244.

¹¹ Гусев Н. Н. Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии с 1881 по 1885 год. М., 1970. С. 182—183.

¹² Горький М. Собр. соч. М., 1949—1956. Т. 14. С. 306.

¹³ Горький М. Неотправленное письмо В. Г. Короленко (ноябрь, 1910 год).

¹⁴ Ломунов К. Н. Лев Толстой в современном мире. М., 1975. С. 132.

¹⁵ ЦГАЛИ, ф. 572, оп. 1, ед. хр. 208.

¹⁶ См.: Речь. Петербург, 1915. 22 июля.

«Мой сердечный привет великому борцу...»

(Л. Н. Толстой и Д. Н. Жбанков)

¹ Жбанков Д. Н. Мемуары о своей жизни//ЦГАЛИ, ф. 199, оп. 1, ед. хр. 24, л. 117.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 572.

³ Практический врач, 1917. № 22—26. 4—25 июня.

⁴ Жбанков Д. Н. Письмо В. Н. Фигнер от 27 декабря 1920 года//ЦГАЛИ, ф. 1185, оп. 1, ед. хр. 416.

⁵ См.: Справка Комиссии при КУБУ(ве) от 22 октября 1922 года, выданная на имя Д. Н. Жбанкова//ЦГАЛИ, ф. 199, оп. 1, ед. хр. 1.

⁶ См.: Уведомление Народного комиссариата здравоохранения на имя Д. Н. Жбанкова о назначении ему персональной пенсии// Там же.

⁷ ЦГАЛИ, ф. 199, оп. 1, ед. хр. 3.

⁸ Жбанков Д. Н. Выдающиеся люди. Их жизнь и деятельность. Опыт статистического исследования. 1900—1916//ЦГАЛИ, ф. 199, оп. 1, ед. хр. 9, л. 252.

⁹ Письма Жбанкова хранятся в Отделе рукописей Государственного музея Л. Н. Толстого. В дальнейшем — ГМТ.

- ¹⁰ Жбанков Д. Н. Телесные наказания в России накануне XX века. СПб., 1900. С. 22.
- ¹¹ Отчет Общества взаимного вспомоществования. Смоленск, 1901. С. 4.
- ¹² Маковицкий Д. П. Яснополянские записки. Кн. четвертая// Литературное наследство. Т. 90. М., 1979. С. 232.
- ¹³ Андреев Л. Н. За полгода до смерти//Солнце России. 1911. № 53 (93), ноябрь. С. 2—3.

«С чувством глубокого уважения...»

(Корреспондентка Л. Н. Толстого Е. П. Туржанская)

- ¹ Письма Е. П. Туржанской находятся в ГМТ.
- ² Е. де Турже-Туржанская. Искреннее слово русскому народу! Смоленск, 1906. С. 13.
- ³ Белые невольники (Домашняя прислуга в России). Смоленск, 1906.
- ⁴ Старое старится — молодое растет. Очерк. Смоленск, 1906.
- ⁵ Наша бюрократия и пролетариат. Смоленск, 1906. С. 7.
- ⁶ См.: Яковлев С. М. Наши крылатые земляки. Смоленск, 1962. С. 102—111.
- ⁷ Письмо А. А. Туржанского автору работы от 25 ноября 1972 года.

«Счастье видеть и знать Л. Н. Толстого...»

(Воспоминания о Толстом Н. Н. Фере)

- ¹ См.: Антюфеева И. Н. Неизвестные воспоминания о Л. Н. Толстом//Русская литература. 1970. С. 120—128.
- ² Письма Н. Зиновьевой находятся в ГМТ, ф. Т. Л. Сухотиной.
- ³ Хранится в литературном музее Смоленского пединститута (СГПИ).
- ⁴ Толстая С. А. Дневники: В 2 т. М., 1978. Т. 1. С. 162.
- ⁵ Фере Н. Н. Воспоминания. Черновая рукопись. Хранится в литературном музее СГПИ.
- ⁶ ГМТ. Отдел рукописей.
- ⁷ Толстая С. А. Дневники. Т. 2. С. 352.
- ⁸ Сухотина-Толстая Т. Л. Дневник. М., 1979. С. 188.
- ⁹ Записная книжка Н. Н. Зиновьевой. Хранится в литературном музее СГПИ.

«Обращаемся мы к Вам за помощью...»

(Письма рабочих людей)

- ¹ Гусев Н. Н. Два года с Л. Н. Толстым. М., 1973. С. 76.
- ² ГМТ, ф. Л. Н. Толстого.
- ³ Там же.
- ⁴ Там же.
- ⁵ Цит. по кн.: Гусев Н. Н. Два года с Л. Н. Толстым. С. 76.
- ⁶ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 20. С. 21, 23.
- ⁷ ГМТ, ф. Л. Н. Толстого.

«Любил я его больше своей жизни...»

(Л. Н. Толстой и П. А. Булахов)

¹ Королев А. К. Времен связующая нить... (Л. Н. Толстой и М. П. Новиков). Тула, 1978.

² Рабочий путь. Смоленск, 1935. 21 октября. Машинопись — в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина.

³ ГМТ, ф. Л. Н. Толстого.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
«Мне радостно и читать Вас и издали любить...» (Л. Н. Толстой и С. А. Рачинский)	9
«О многом хотелось бы поговорить с Вами...» (Л. Н. Толстой и А. Н. Энгельгардт)	40
«Не знаю, как Вы отнесетесь ко мне...» (Л. Н. Толстой и М. А. Энгельгардт)	53
«Мой сердечный привет великому борцу...» (Л. Н. Толстой и Д. Н. Жбанков)	66
«С чувством глубокого уважения...» (Корреспондентка Л. Н. Толстого Е. П. Туржанская)	79
«Счастье видеть и знать Л. Н. Толстого...» (Воспоминания о Толстом Н. Н. Фере)	85
«Обращаемся мы к Вам за помощью...» (Письма рабочих людей)	96
«Любил я его больше своей жизни...» (Л. Н. Толстой и П. А. Булахов)	102
Примечания	108

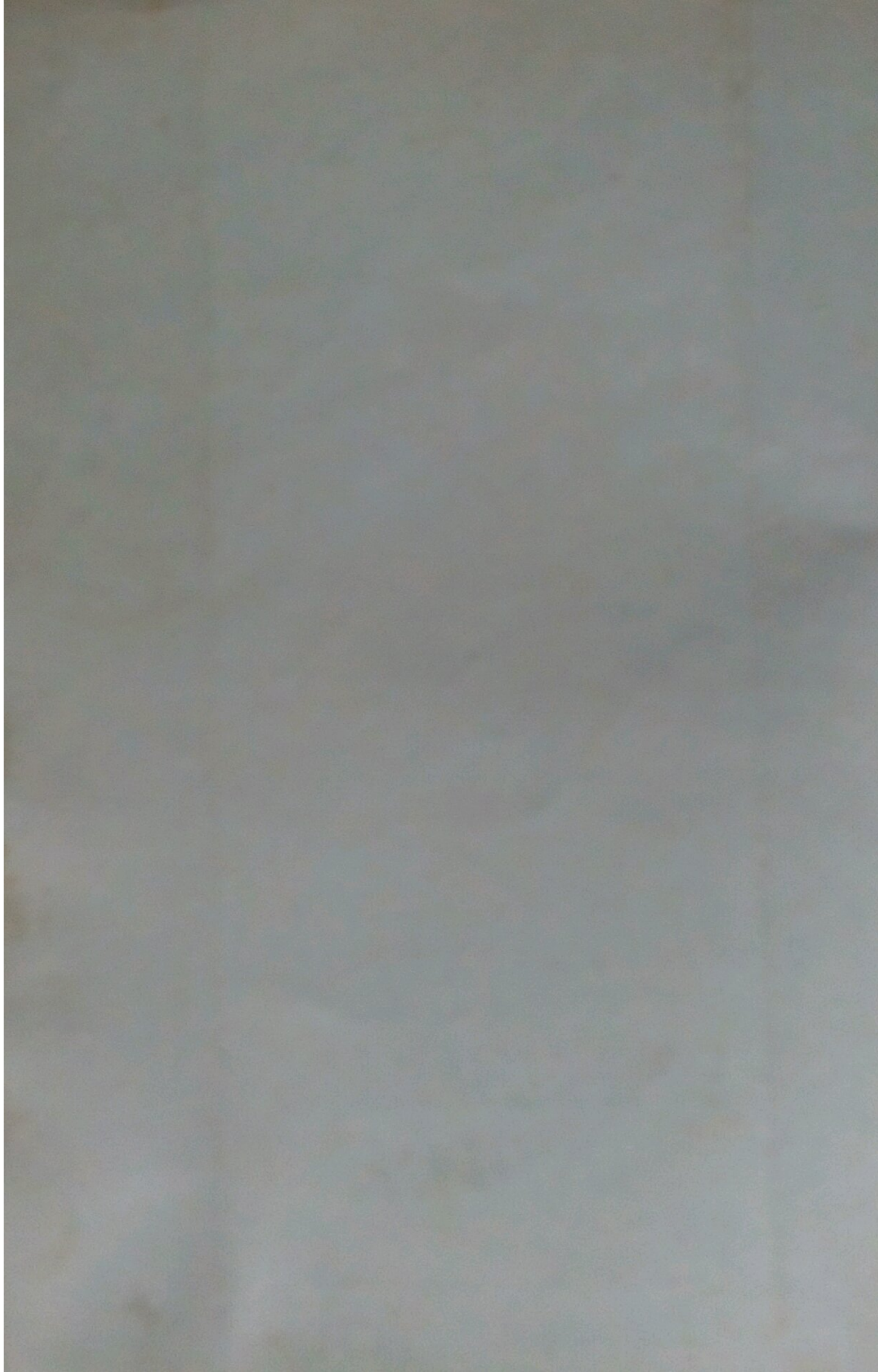
Ирина Николаевна Антифеева
ЖИВЫЕ ТРЕПЕТНЫЕ НИТИ

Редактор *А. Максименков*
Художник *А. Куценко*
Технический редактор *В. Федоров*
Корректор *Е. Коротаева*

Сдано в набор 19.02.91. Подписано к печати 18.04.91. Формат 84×108^{1/32}. Бумага газетная. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Усл. печ. л. 6,04. Уч.-изд. л. 7,48. Тираж 1500 экз. Заказ № 1410. Цена 2 руб.

Смоленское издательство «Смядынь», 214000, г. Смоленск, ул. Большая Советская, дом 12/1.

Областная ордена «Знак Почета» типография им. Смирнова Смоленского облуправления издательств, полиграфии и книжной торговли. 214000, г. Смоленск, проспект им. Ю. Гагарина, 2.

И. Н. Антюфеева

ЖИВЫЕ
ТРЕПЕТНЫЕ
НИТИ